

НУР ЛАНИН | ЙОССИ КИНСКИ

**ХОЛОДНОЕ СОЛНЦЕ
ТЁПЛОЙ ЗИМЫ**

**Нур Ланин
Йосси Кински**

Холодное солнце тёплой зимы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31726631

Холодное солнце тёплой зимы / Н. Ланин, Й. Кински: Алгоритм;

Москва; 2018

ISBN 978-5-907028-20-3

Аннотация

Брак между людьми разных сословий нередко оборачивается для пары трагедией. Высокое положение главного героя Эдуарда в обществе обязывает его иметь жену, которая будет соответствовать окружению. Однако Эдуарду не удастся научить любимую темпераментную цыганку Лилию манерам изысканной леди. Лилия влюбляется в Павла, работающего конюхом у Эдуарда. Зимней ночью на месте сгоревшей конюшни находят два трупа, принадлежавших Лилии и её любовнику Павлу. Эдуарда, обвиненного в убийстве жены и конюха, приговаривают к пятнадцати годам лишения свободы. После освобождения судьба открывает ему ошеломляющую правду...

Содержание

Часть I	5
Глава 1. Последний день календаря	5
Глава 2. Очи чёрные	13
Глава 3. Первый пожар	38
Глава 4. Алтарь для матери	57
Глава 5. Чужая свадьба	69
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Нур Ланин, Йосси Кински

Холодное солнце

тёплой зимы

© Нур Ланин и Йосси Кински, 2018

© Оксана Малышова, оформление обложки, 2018

© Рудник М., картина «Победа», 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Часть I

Глава 1. Последний день календаря

Праздничный день для майора следственного отдела Филатова не задался с самого утра. Всё началось с того, что утром жена сообщила ему о скором приезде её родителей, тещи и тёщи Филатова, и намерении встретить Новый год в узком семейном кругу. Планы на весёлый праздник тут же полетели к чёрту, а сбежать с предстоящей нудной церемонии не было никакой возможности. Из вялых пререканий с женой в очередной раз выяснилось, что Филатов совсем не любит свою семью, что он чёрствая скотина, отнявшая у бедной женщины её лучшие годы, и, вообще, нужно бы быть благодарным её родителям, которые когда-то пристроили его на хорошее место и вытянули в люди. После бурного монолога жена вручила мужу длинный список необходимых продуктов и приказала быть дома не позднее шести часов вечера. Выйдя на улицу, Филатов почувствовал ещё один неприятный подзатыльник праздничного дня. Автомобиль Филатова был погребён под толстым слоем снега, разгребать который ему было неохота, поэтому пришлось снова подниматься домой и звонить на работу, вызывая служебную машину. Жена коротко крикнула ему: «олух».

По дороге на работу Филатов подробно изучил выданный ему список и, дойдя до пункта «Спиртное – 1 бутылка», недовольно поморщился. Твёрдо решив взять две, а лучше три бутылки вместо одной, Филатов вышел из машины и направился в отделение. По пути к кабинету Филатов нос к носу столкнулся с уборщицей, несущей два пустых дребезжащих ведра. Сплюнув через плечо, майор милиции открыл дверь и тут же услышал за спиной радостный голос лейтенанта Дубина:

– Товарищ майор, мы взяли его!

Кого именно должны были взять и наконец-то взяли, Филатов не помнил, но, сделав удивлённое лицо, он обернулся к лейтенанту и сказал:

– Да ты что? Серьёзно? Отлично!

И тут же скрылся в своём кабинете. Там в относительной тишине он сел за свой стол и попробовал успокоиться. Академичность интерьера действовала на Филатова умиротворяюще. Тут было всё привычно и понятно. Папки с делами в высоком шкафу со стеклянными дверцами отливали холодом официоза. Майор любил подойти к ним и, пробежавшись глазами по названиям, вытащить одну, чтобы проверить что-нибудь. На настенных полках лежали пухлые фолианты мудрёных текстов по юриспруденции, теща самолюбие майора тем, что он их прочитал и законспектировал. На дальней стенке висел календарь, выпущенный к последнему съезду ЦК КПСС, с нарисованной звездой Героя Социали-

стического Труда, из-за которой выглядывали чьи-то кустистые брови. Рабочий стол с выдвижными ящиками и кожаное кресло, выбитое у начальства по случаю Дня следователя, дополняли привычный интерьер, в котором так легко работалось майору Андрею Филатову – сорокавосемилетнему следователю по уголовным делам Ворошиловского района Москвы.

Годы в должности следователя научили Филатова в любых обстоятельствах придерживаться определённых правил, предписанных вышестоящими структурами. Он был прилежным исполнителем закона и всегда руководствовался своим и чужим опытом. Своей исполнительностью он заслужил репутацию хорошего, вдумчивого, хотя всё-таки не выдающегося следователя. Придирчивость к фактам и умение отличать важное от ненужной шелухи были, несомненно, его лучшими качествами, но врождённая лень и инертность с лихвой перечёркивали эти достоинства. Филатов считал, что следствие должно всегда подчиняться утверждённым правилам, и любое действие, не вписывающееся в их рамки, тут же выводило его из равновесия, внося сумбур и срывая планы. Дослужившись до майора, Филатов чувствовал, что это его потолок: идти дальше не было ни возможностей, ни сил, ни, самое главное, желания.

Следователь посмотрел на стол и увидел на нём папку с надписью «Дело № 85». Память тут же откликнулась на это приступом тревоги и страстным желанием закурить. А как

иначе? Уголовное дело, заведённое вчера на мужчину, который в приступе ревности убил жену и её любовника и скрылся в неизвестном направлении. По опыту Филатов знал, что дело за версту разило очередным висяком, и это в конце года, когда для положительного отчёта приходилось закрывать глаза на всякую мелочёвку. А тут такое громкое дело! У Филатова засосало под ложечкой. Следователь не знал, что такое «засосало под ложечкой», но, как ему казалось, то неприятное чувство, которое он сейчас испытывал в области желудка, называлось именно так.

В дверь, не щадя нервов Филатова и собственной кисти руки, кто-то громко постучал. Так нагло и бесцеремонно мог стучать лишь один человек – лейтенант Дубин. Филатов подумал ещё и о жене, но та вообще не стучалась и заходила в кабинет мужа как в собственную ванную комнату.

– Войдите! – громко крикнул следователь и оторвал предпоследний лист настольного календаря, на котором красным цветом запылала надпись «31 декабря. С Новым годом!».

Дверь открылась, и в неё просунулась лопоухая голова лейтенанта.

– Товарищ майор, так что делать? Взяли же! – привычно растягивая слова, сказал Дубин.

– Кого взяли?

Филатов всё никак не мог взять в толк, кого же там взяли.

– Как кого? Ну, этого... Эдуарда Гусина. Тёпленьким сняли в его же машине.

Когда следователь наконец понял, о ком речь, он издал радостный вопль.

– Так что же ты мямлишь?! – проорал Филатов. – Где он?

– Тут, в КПЗ.

– Веди его!

Получалось, что его ребята поймали того самого человека, который вчера убил жену и любовника. Очевидный висяк как по мановению волшебной палочки превращался в раскрытое дело, а гнев начальства – в благодарность (возможно, даже с материальным поощрением).

Филатов откинулся на спинку кресла и напустил на себя усталый от нескончаемых важных дел вид. Потом, чуть подумав, добавил ещё сердитости.

– Вот, привел, как приказали! – бодро доложил помощник Дубин и потянул за собой закованного в наручники мужчину.

Гусин Эдуард Владимирович – невысокий, пухленький мужчина с редеющими волосами – испуганно вошёл в кабинет. На вид ему было лет тридцать с хвостиком. По пришибленному и помятому виду было видно, что ему доставляет невыносимые страдания пребывание в этом месте в окружении людей в милицейской форме. На мужчине была модная фетровая шляпа делового мышинового цвета и тёмно-серый костюм, отливающий металлическим блеском. Такие костюмы Филатов видел на высокопоставленных чиновниках, так что нищим задержанный не был. Его тёмно-карие глаза не

могли остановиться на чем-то одном, они нервно бегали, обшаривая все углы помещения, и ежесекундно следили за каждым движением милиционеров, будто бы ожидая от них какой-нибудь пакости или даже физического воздействия. Причём последнего он явно боялся больше всего, потому что плохо переносил физическую боль. С первого взгляда Эдуард производил впечатление классического интеллигента, человека культурного и тихого. Про него можно было с ходу сказать, не заглядывая в личное дело: «Не состоял, не замечен, не привлекался». Зажав кисти рук между коленями, Эдуард под испытующим взглядом Филатова сидел на табуретке, стараясь занимать в окружающем пространстве как можно меньше места.

– Вы уже его допрашивали? – металлическим голосом обратился Филатов к лейтенанту.

– Так точно, товарищ майор. Задержанный всё отрицает.

– Ясно... – проговорил следователь и, к ужасу Эдуарда, что-то начеркал в бумагах.

«Такой заговорит у меня как миленький», – с удовольствием подумал майор и решил сразу взять быка за рога. Эдуард на быка никак не тянул, что лишь облегчало задачу.

– Чёрт бы вас побрал! Свалились на мою голову в канун праздника! Это ж надо, а? Именно в тот момент, когда мне надо быть в Управлении! – гаркнул грозным голосом Филатов и подумал, что фраза про Управление была явно неуместной.

– Но... но... Я ничего не понимаю! То, что произошло, – это ужасно, ужасно. Боже мой, моя жена... она... её больше нет! – Подавленный голос Эдуарда, дребезжа на каждом слоге, выражал крайнюю степень отчаянья.

– Ну, что вы упираетесь? Всё же понятно! Подписывайте признание и можете идти отмечать праздник в камеру.

Дубин развязно хохотнул.

Эдуард горестно вздохнул и, словно отгоняя от себя тяжёлые мысли, встряхнув головой, выпрямился:

– Я не буду ничего подписывать! – выдал он тоном Мальчиша-Кибальчиша на допросе у буржуинов.

– То есть вы не считаете себя виновным в убийстве вашей жены Лилии Гусиной и конюха Павла? – угрожающе прозвучал вопрос следователя.

– Я не помню.

– Как это не помните? Вы не помните, как их убивали?

– Я не помню, что убивал их, – втянув голову в плечи, тихо ответил Эдуард.

– Нормально... – развёл руками Филатов. – Вы не помните, как убили двух людей? Это такой рядовой эпизод вашей жизни, что одним больше, одним меньше – неважно?

– Дело в том, что в тот день я выпил, – забренчал наручниками Эдуард, показывая известным жестом стопочку. – А когда я выпиваю, забываю, что делал и где был. Нет-нет, это не значит, что я какой-нибудь алкоголик или напиваюсь до «белочки». Просто у меня такая реакция организма на алко-

голь. Даже если я выпью пятьдесят грамм коньяка, наутро ничего не помню. Сам не понимаю, почему так происходит. Врачи говорят, что психологическое.

Следователь посмотрел на Эдуарда взглядом, каким трамвайный кондуктор взирает на пассажира, пока тот ищет в кармане будто бы затерявшийся проездной билет. Не отводя взгляда от задержанного, майор чиркнул спичкой и закурил. «Всё-таки три бутылки – многовато», – подумал о своём Филатов и продолжил:

– Странно. Ну, допустим... А почему вы выпили в тот день, хотя бы помните?

– Это помню. Я поругался с женой. Очень сильно поругался. Дошло до того, что я ударил её. Ни разу в жизни я не поднимал на неё руку, а тут как будто бес вселился. Не знаю, что на меня нашло.

Майор глянул на настольные часы, потом на список продуктов и, вздохнув, сказал:

– Ладно, начните сначала. Как вы познакомились со своей женой?

– Она была сущим ангелом, рождённым под кушами рая... – оживившись, несколько высокопарно начал Эдуард. – Мы познакомились этим летом в Сочи. Она была исполнена грации и гордости... эээ... словно чистокровная кобылка...

С этими словами Эдуард погрузился в приятные воспоминания давнего лета, проведённого на отдыхе в Сочи.

Глава 2. Очи чёрные

Струи морского воздуха обдували раскалённый песок. По нему, обжигая ноги, козочками бегали купающиеся граждане. Крики чаек и удары волн создавали атмосферу свободной безмятежности и праздности. Толстопузые отцы семейств спали на шезлонгах, накрывшись кто «Комсомолкой», а кто и «Огоньком». Другие почтенные представители сильного пола сосредоточенно «забивали козла», устроившись под зонтиками, пока их прекрасные половины поджаривали на солнышке свои округлые бока. Всевозможная ребятня весело возилась среди этого муравейника, перескакивая через лежащих и сидящих, жующих и читающих граждан.

Пёстрый пляж незаметно переходил в такую же разноликую набережную. Под акациями гуляли разноцветные люди, которых легко можно было разделить на три группы. Первая часть отдыхающих, бронзовая от загара, вышагивала мерно и не торопясь. Она точно знала, куда идёт, и по этой размеренной вальяжности можно было угадать давно отдыхающих и даже уставших от этого отдыха граждан. Вторую группу составляли красные как раки от первого загара люди, которые, двигаясь чуть быстрее первых, иногда останавливались и спрашивали у бывалых дорогу. В третьей группе были граждане бледно-синюшного цвета, делавшие быстрые зиг-

загообразные перебежки от одного места к другому, восторженно стараясь в первый же день всё разузнать и охватить. Они с завистью смотрели на первую группу и посмеивались над второй.

«Ты не плачь, мой друг, что розы вянут.
Они утром снова расцветут.
А ты плачь, что годы молодые
Ведь к тебе обратно не придут».

Мелодия незатейливой песни под аккомпанемент гармони и бубна разливалась по набережной, и только у прибрежной кафешки её заглушали голоса дуэта, поющего из динамиков про вернисаж.

В парке, окружённый праздной толпой, в красивой позе, с кисточкой в руках стоял уличный художник. Он выводил на холсте какую-то особенно трудную линию, призванную быть началом очередного шедевра, которые во множестве валялись тут же на столе и продавались по три рубля за штуку. Умилённо сложив домиком тонкие брови, художник полностью отдавался работе, и лишь вопрос о цене иногда выдёргивал его из этого одухотворённого состояния. Эдуард, относящийся к третьей группе туристов и пока только жадно ловивший всем телом солнечные лучи, сложным манёвром рассёк толпу гуляющих и неожиданно даже для самого себя оказался около художника. Обведя быстрым взглядом работы, Эдуард хотел было уже уйти, но тут заметил небольшой

рисунок, лежащий на самом краю стола. Это был даже не рисунок, а небольшой набросок карандашом грациозной кобылы тёмной масти. Гордый стан, большие глаза, белые зубы, непокорная волнистая грива говорили о чистой крови лошади. Её тонкая спина была изящно выгнута, завораживая красотой линий и изгибов.

В тот момент Эдуард даже не мог представить, как круто повернёт его жизнь этот маленький, нарисованный на скорую руку рисунок.

– Нравится? – спросил опустившийся с небес художник.

– Да, очень! Просто великолепно. Я обожаю лошадей. Готов на них смотреть и говорить об этих прекрасных созданиях всё время. Они так грациозны...

– Вы жокей?

– Я? Ну что вы? Нет. Я всего лишь директор магазина.

– В наше дефицитное время слово «всего лишь» к должности директора магазина не подходит, – подметил художник, улыбаясь.

– Ну, я не жалуюсь. Но всё равно, все материальные блага меркнут перед этим, – и Эдуард указал на рисунок.

– На самом деле я рисовал её с натуры, – смущённо заметил художник.

– В самом деле? И где же? Интересно было бы взглянуть на неё, – оживился Эдуард.

– Для этого далеко ходить не надо. Вот она стоит.

И художник махнул кисточкой куда-то в сторону много-

численной толпы.

Её невозможно было не узнать. Это была очень красивая молодая цыганка с вьющимися локонами густых чёрных волос, на которых игриво поблескивало полуденное солнце. Непокорная чёлка чуть прикрывала большие смоляные глаза, в которых поселились задорные смешинки. Белоснежная улыбка, точёные линии бёдер, лёгкие движения дополняли сходство с красивой лошадью благородных кровей. Она, улыбаясь совершенно детской улыбкой, протягивала прохожим билетки счастья, которые вытаскивал из коробки зелёный попугай, сидящий у неё на плече. Стоя на углу парка, где заворачивала дорожка, она своим весенним сиянием затмевала безликую толпу. По крайней мере в тот момент так казалось Эдуарду.

«Действительно похожа!» – подумал Эдуард, вновь переведя взгляд на рисунок.

Ему вдруг стало грустно. Грустно ему становилось всякий раз, когда он видел молодую девушку и понимал, какая пропасть лет пролегла между ними. Робкий и застенчивый по природе, он так и не научился обращаться с женщинами. Стоило ему заговорить с кем-то из противоположного пола, как всё лицо его наливалось пунцовой краской, а сам он превращался в заикающийся помидор, который спотыкался на каждом слогe и по пять раз повторял одно и то же. Эдуард очень страдал от этой своей особенности. Когда же он научился владеть собой, разговаривая преимущественно с

женским персоналом своего универсама, оказалось, что теперь уже поздно и он безнадежно постарел. Единственной женщиной, рядом с которой ему было просто и спокойно, была его мама – Любовь Александровна.

Любовь Александровна была из тех матерей, которые свято считают, что в жизни их детей ничто не имеет право происходить без их ведома. Её всеобъемлющая, бьющая через край материнская любовь стальными цепями приковала сына к пышной юбке, за которой тот нашёл своё тёплое местечко в жизни. Любовь Александровна твёрдо верила, что её Эдик если и не гений, то почти гений, а не согласиться с этим, по её мнению, мог только идиот. По своей природе она была мягкой и добродушной женщиной, но если дело касалось её ненаглядного Эдика, Любовь Александровна превращалась в свирепую медведицу, готовую начать атомную войну, лишь бы защитить своего сыночка и сберечь его для недостойного человечества.

Две недели назад Любовь Александровна пришла к неутешительному выводу, что её сын бледен. Навскидку вспомнив парочку страшных диагнозов, вычитанных из медицинских журналов, она, взяв сына под мышку, потащила по врачам. После осмотра у первого врача Любовь Александровна осталась крайне недовольна, потому что тот нашёл её сына абсолютно здоровым. Высказав в красноречивых фразах, изобилующих уничижительными сравнениями, всё, что она думает про закоснелую советскую медицину, Любовь Алек-

сандровна назвала доктора медицинских наук шарлатаном и повела отпрыска к другому светилу науки. Следующий доктор, который, по своему несчастью, слыл в глазах Любви Александровны умным врачом, подтвердил отменное здоровье Эдуарда, чем вызвал очередную порцию разоблачений в адрес многострадальной медицины. В этот раз разгневанная мать при оценке врача ограничилась клеймом «неуч». Третий врач, который принял Любовь Александровну и её сына, уже был предупреждён о воинственности женщины и её бескомпромиссном желании во чтобы то ни стало отыскать таинственную болезнь, мучившую её сына. После осмотра врач поцокал языком и, сделав озабоченное лицо, сообщил ошеломлённой Любви Александровне, что у её сына прогрессирующий «*Syndromum fatigatio*». Эффект от этой новости получился странным. Вместо того чтобы взволноваться за здоровье горячо любимого сына, мать обрадовалась и потом долго жала руку доктору. Внимательно выслушав врачебные предписания, Любовь Александровна сказала, что всегда доверяла отечественной медицине и, сделав подобающее случаю скорбное лицо, вышла из кабинета.

Страшный диагноз «*Syndromum fatigatio*», который поставил врач, на латыни означал лишь небольшую усталость. Больному были выписаны витамины и отдых на свежем воздухе. После покупки витаминов во весь рост стал вопрос о санатории. Они посоветовались, и мать решила, что лучше всего поправлять здоровье под южным сочинским солнцем,

и уже через два часа ехала домой с двумя билетами на поезд. Но тут в дело вмешалась судьба: у Любови Александровны умерла дальняя родственница, на похоронах которой нужно было обязательно отметить. После долгих колебаний мать скрепя сердце отпустила сына в санаторий одного, и к пущей радости Эдуарда не грозились приехать и проведать. Так, может быть, впервые в жизни Эдуард оказался предоставлен самому себе. Чувство свободы пьянило и дурманило. У него было такое ощущение, какое бывает у зэка, выбежавшего за колючую проволоку. Вдыхая курортный воздух полной грудью, Эдуард наслаждался тем, что можно было не чистить зубы по вечерам и не мыть руки перед обедом...

– Так вы берёте её? – Вопрос художника вывел Эдуарда из задумчивости.

– Кого? – удивился Эдуард.

– Лошадь, говорю, берёте?

Только теперь Эдуард понял, что держит рисунок в вытянутой руке, словно бы сверяясь с оригиналом.

– Ах да, конечно, беру. Сколько я вам должен?

– Рубль.

Эдуард торопливо расплатился с художником и направился к цыганке. На полпути он остановился и ещё раз окинул взглядом стройный стан девушки, подчёркнутый милыми оборками платья на тонкой талии. Поморщившись от очередного приступа комплекса неполноценности, Эдуард глубоко вздохнул и решительно пошёл на встречу со своей судь-

бой.

– Граждане отдыхающие! Не проходим мимо! Попугай гагает всем на счастье! Подходите и узнайте, что вас ждёт!

Эдуард сделал вид, что проходил мимо, и, замедлив шаг, обернулся к цыганке.

– Попугай и вправду счастье мне принесёт? – сказал он заготовленную фразу.

– Мой попугайчик ещё никому плохого не нагадал, – очаровательно улыбнулась цыганка.

– Ну, я не сомневаюсь. Просто я всегда думал, что это аисты приносят счастье.

«И почему именно аисты должны приносить счастье? Почему я сказал такую чушь? – Эдуард задумался о запутанной логической цепочке, сгенерированной собственным мозгом. – Ах, да... Аисты же приносят детей, а дети – это счастье».

– И сколько раз аисты вас уже порадовали? – на удивление легко разгадала тонкую метафору цыганка.

– Пока ни разу. Как-то не сложилось ещё.

– Ай-ай-ай, яхонтовый мой! Годков-то тебе уже много, пора задуматься о семье. Дай я тебе по руке погадаю. Всё скажу, как было, как будет.

Эдуард протянул предательски запотевшую ладонь.

– Вижу, ты одинок на этом свете... – задумчиво произнесла девушка.

– Ну почему же одинок? У меня есть мама.

– Не перебивай. Я вижу совсем другое одиночество. Но тебя ждёт встреча с женщиной...

– Да-да, знаю. Мы полюбим друг друга, поженимся и будем жить долго и счастливо, – вслух завершил классическое пророчество Эдуард.

– Нет.

Эдуард с удивлением посмотрел на гадалку:

– То есть мы не будем жить долго и счастливо?

– Я вижу пламя... – тем временем «страшным» голосом вещала цыганка.

– Что за пламя? Ох!.. не пугайте меня, гражданка. Может, это пламя любви? – с надеждой заглядывая в глаза девушки, спросил Эдуард.

Цыганка отпустила руку Эдуарда и с интересом заглянула ему в глаза:

– Может, и пламя любви.

Эдуард наигранно выдохнул:

– Ясно всё с вами. Сколько я должен?

– А сколько не жалко?

Эдуард протянул «трёшку», и цыганка, одарив Эдуарда лучезарной улыбкой, спрятала деньги куда-то в многочисленные складки пышного платья. Нужно было уходить. Стоять и глупо пялиться на красавицу становилось неловко.

– Ну, я пошёл... – указал через плечо направление предполагаемого ухода Эдуард.

– Рада была помочь, – ответила цыганка и переключилась

на других гуляющих.

Уходить не хотелось. Хотелось стоять и просто смотреть на девушку, любуясь её блистательной красотой. В её больших глазах отражался мир, который всегда был так далёк от Эдуарда. Любовь, ревность, страсть – понятия, без которых невозможно было представить жизнь смертного, каким-то странным, несправедливым образом всегда обходили его стороной. Он ясно понял, что тридцать лет его пресной жизни с лёгкостью можно было обменять на один-единственный день любви этой богини. Эдуард стоял и чувствовал, как что-то внутри него выходит из глубокого анабиоза. Это что-то, большое и тёплое, пробивало скорлупу забвения и начало светиться, заполняя сердце непонятной радостью. И по мере того как внутри светлело, весь остальной мир становился маленьким, суевливым фоном, который лишь мягко оттенял причину этого сияния.

Причина сияния тем временем стояла на прежнем месте и бойко торговала счастьем. Зелёный попугай деловито достал очередную карточку и, получив за это кусочек яблока, как-то осуждающе глянул на Эдуарда. Под тяжестью птичьего взгляда Эдуард вздрогнул и, примятый к грешной земле своими глобальными душевными переменами, поплёлся на пляж.

Если Сочи – это тоже «жемчужина у моря», то его пляжи – скопища человеческого планктона, каждый год мигрирующего к этим берегам. Прибывая в несметных количествах,

они заполняют собой каждый квадратный метр тёплого песчаного пляжа, не говоря уже о шезлонгах и коронных местах под зонтиками. Копышащаяся, гомонящая, постоянно передвигающаяся внутри себя система людей, объединённая общей высокой идеей, называемой «поехать на юга».

Эдуард, думая о своём, ступил на территорию пляжа и тут же был поглощён в меру раздетой толпой. Дорога до воды по пересечённой телами местности заняла четыре минуты, в течение которых были раздавлены две лодыжки, один указательный палец и цветастая панاما, оказавшаяся чьей-то головой. Дойдя до воды, Эдуард оглянулся в поисках хотя бы ста кубических сантиметров пустого пространства. Такое пространство было найдено на дальней оконечности пляжа рядом с волнорезом. Начался тернистый путь в сторону намеченного места. Оказавшись у волнореза, Эдуард снял с себя одежду и лёг лицом к солнцу, почувствовав при этом, как тёплые камешки приятно захрустели под его спиной. Надев солнечные очки, мужчина самозабвенно захрапел. Проснувшись через час, он с удивлением заметил, что его передняя часть стремительно ворвалась во вторую зачётную группу отдыхающих – «красных как раки», в то время как задняя часть продолжала прозябать в третьей, «бледно-синюшной». Решив подтянуть отстающую часть к общему знаменателю, Эдуард перевернулся и подставил под ещё высокое солнце запотевшую спину. В этот ответственный момент кто-то бесцеремонно встал между ним и вечным светилом.

– Молодой человек, не могли бы вы отойти и не заслонять мне солнце? – вежливо обратился к мужскому силуэту Эдуард.

Стоящий перед ним мужчина сделал шаг в сторону и уселся на песок. Только теперь Эдуарду удалось разглядеть этого человека. Рядом с ним на песке сидел сошедший с неба древнегреческий бог. Бог чего именно, сейчас Эдуарду было бы трудно сказать, но его античная внешность вызывала в памяти картинки из «Илиады». Тем временем бог, мило улыбаясь, смотрел на Эдуарда своими серыми глазами. Его идеально правильную голову обрамляли идеально выющиеся одинаковыми колечками волнистые волосы, которые идеально ниспадали до широких плеч. Под бронзовой загорелой кожей бугрились стальные мускулы. Кубики пресса будто были сложены профессиональным каменщиком в четвёртом поколении. Особенную мужественность внешности добавляли мелкие кольца волос на груди, которые равномерно покрывали её от ключицы до ключицы, а затем аккуратной стрелкой направлялась к пупку. Рука Эдуарда вдруг сама потянулась к собственной груди, где у него тоже росли волосы. Все тридцать семь штук были на своём месте.

– Извините, я вас не заметил, – сказал незнакомец, и почему-то Эдуарда это не удивило.

– Дааа, людей-то сколько! Не протолкнуться... – продолжил мужчина. – В прошлом году здесь было народу намного меньше.

– Да, прямо вавилонское столпотворение! – решил блеснуть хотя бы кругозором Эдуард.

– Вавилонское что? – спросил греческий бог.

Это была маленькая, но всё-таки победа.

– Столпотворение... Есть такой миф... Аааа, не важно, – небрежно закончил Эдуард, махнув рукой.

– Меня зовут Павел. Будем знакомы.

– Я Эдуард. – Они пожали друг другу руки.

– В прошлом году здесь было меньше народу, – повторил Павел, посмотрев на копошащуюся на пляже массу.

– А вы каждый год сюда приезжаете? – спросил Эдуард.

– Второй год.

– Счастливый человек. Можете себе позволить приехать и отдохнуть.

– А я не отдыхать сюда приезжаю – работать.

– Да? И где вы работаете?

– В цирке. Наше шапито каждое лето даёт концерты в Сочи, – буднично ответил Павел.

– Надо же! Очень интересно. Я люблю цирк.

– А кто его не любит? Мы, граждане Советского Союза, должны любить цирк. Ведь все в нём живём.

Откуда-то сверху, где начинался волнорез, мужской голос позвал Павла.

– Ну вот. Нелёгкая его принесла. Только вышел отдохнуть! – недовольно пробурчал древнегреческий бог Павел. – Делать нечего, нужно идти. Приходите к нам на представле-

ние. Наш шатёр раскинулся на пустыре недалеко отсюда.

– Спасибо за приглашение. Обязательно загляну, – пообещал Эдуард.

Санаторий «Электроника», в котором поселился Эдуард, был совсем новеньким. В коридорах ещё явственно ощущался запах краски и древесного лака, а в большом парке санатория иногда попадались скамейки с табличками «Осторожно, окрашено!». Современное многоэтажное здание гордо возвышалось над мысом Видный и сияло белыми боками. К услугам отдыхающих здесь были трёхразовое питание, киноконцертный зал, библиотека, летнее кафе, обеденный зал, зал лечебной физкультуры, а также, как прочитал Эдуард в брошюрке, «всевозможные услуги внимательных врачей». Особенной гордостью этого санатория была его новая современная методика лечения ангиологических больных с использованием гипербарической оксигенации. Из-за совершенной новизны не каждый лечащий врач мог с первого раза выговорить название методы, но обязательно считал своим долгом вернуть в разговор эту высокую терминологию, даже если лечил геморрой. Кроме того, в санаторий завозили замечательную адлерскую иловую грязь, и с каждой информационной доски настойчиво призывали к посещению электрофореза с использованием этой животворящей субстанции. Обещали возвращение утерянных сил и молодости.

Вечерело. Огненные лучи морского заката окрасили номер в насыщенный оранжевый свет, который плескался на

стенах, словно вступая в последнюю борьбу с темнотой. Приближалась чарующая южная ночь, наполненная стрекотанием сверчков и шелестом прибрежных волн. Свежий ветерок, играя занавеской, доносил с улицы запах моря и распустившихся магнолий. Крики чаек постепенно смолкали, уступая место трелям соловьёв, которые своим пением нежно убаюкивали счастливых отдыхающих.

Эдуарду было не до сна. Он лежал в своём номере и смотрел в потолок. Там, в кружевных тенях, отбрасываемых занавеской, разыгрывался спектакль прожитого дня. Главным героем был он сам, а его дамой сердца была молодая цыганка. Девушка пришла на пляж, чтобы окунуться в море. Воображение Эдуарда нарисовало, как цыганка лёгким движением сняла с себя платье, оставшись в пикантном купальнике, и, качая бёдрами, вошла в воду. Но что это? Она кричит и просит о помощи! Боже, она тонет! Все вокруг стали суесться и бегать, но, конечно, никто не решался помочь бедной девушке. И тут на пляж въезжает сам Эдуард на белом коне. Его тело подтянуто и мускулисто, удивительно напоминает торс Павла. Откуда-то сверху играет бравурная мелодия. Сцена с конём вышла слишком одиозной, поэтому Эдуард решил переиграть и в следующий раз появился на пляже без коня. Мелодия исчезла. Он, сверкая накачанными икрами, в два прыжка оказался в воде и стремительно поплыл к тонущей девушке. Через мгновение Эдуард уже держал на руках обессилевшую, но благодарную даму и, красиво блестя

мокрыми плечами, выходил из воды. На них были устремлены восхищённые взгляды всего пляжа. Слышались возгласы «браво!» и «ура!».

– Что за чёрт! Никак не могу забыть её. Постоянно думаю об этой цыганке, – проговорил вслух Эдуард. – Милая, юная, очаровательная... она как будто из другого мира.

Эдуард достал рисунок, обнял его и перевернулся на бок. Наступил следующий день. Об этом Эдуард узнал, услышав характерный размеренный стук кровати о стенку в соседнем номере. «Кто-то явно был на электрофорезе из адлерской грязи», – подумал Эдуард и, сев на кровати, потянулся.

Спустя час Эдуард уже стоял неподалёку от места первой встречи с девушкой. В его грустных глазах отражался пустой пятачок, на котором, по идее, должна была стоять цыганка. Целый день Эдуард прохаживался по парку, занимая себя привычными развлечениями отдыхающих. Он по десять раз подходил к торговцам всевозможными сувенирами, так что в конце концов становилось неудобно и приходилось что-то покупать. Итогом прогулки стало то, что к вечеру у него собралась приличная куча всякого барахла. Эдуард даже предпринимал попытки подходить к прохожим с ненавязчивым вопросом: «А где тут можно погадать по руке?» – но и это не принесло успеха. В конце концов всё закончилось тем, что в восьмом часу вечера, чувствуя в ногах нестерпимый гул, Эдуард поднялся в свой номер и забылся тревожным сном.

Следующим утром Эдуард, держа в руках книжку и старательно обходя лавки с сувенирами, снова брёл по парку. Он шёл по тому же маршруту с прежней надеждой. Вдруг в глубине парка он увидел её. Казалось, с того самого дня, как Эдуард в первый раз повстречал цыганку, прошла всего пара часов. Девушка так же стояла на привычном месте и, так же улыбаясь, предлагала всем желающим вытянуть счастливый билетик. Сердце мужчины бешено заколотилось. Слюна куда-то пропала, и стало трудно ворочать языком. Не сводя глаз с цыганки, Эдуард купил стакан газировки и залпом выпил. Чуть успокоившись, он решился подойти.

– Добрый день, – глупо улыбаясь, поздоровался он.

– Здравствуй, яхонтовый мой. Тебе билетик вытащить или по руке погадать?

– Нет-нет. На этот раз моя очередь доставать билетики.

С этими словами, будто заправский волшебник, Эдуард вытащил из кармана два разноцветных билетика.

– Вот. Это билеты в цирк. И... я вас приглашаю, – сказал Эдуард и густо покраснел.

– Меня?! – удивилась цыганка и недоумённо подняла правую бровь.

– А что тут такого? Может мужчина пригласить женщину в цирк?

– Может. Если женщина свободна.

Действительно. А почему, собственно, она должна была быть свободной? С чего вообще он решил, что она должна

была всю жизнь ждать только его? Самообладание покинуло Эдуарда, и к нему вернулась его треклятая особенность.

– К-к-к-какой же я и-и-и-идиот! Иии-идиот. П-простите, ради... ради... бога. Я п-почему-то не подумал о-о-об этом. Вот д-дурья башка!.. Ну, конечно же, т-такая к-к-красивая девушка не-не может быть с-с-свободна. У н-неё обязательно до-до-должен быть м-м-муж.

Цыганка звонко рассмеялась:

– Да, я не свободна, но я не говорила, что я замужем.

– Т-т-тогда я ничего не-не понимаю. Это как?

– Это так. Я работаю сейчас. Поэтому и не свободна.

– В-вот оно что? А я-то подумал... Ну, это не проблема.

– Как это не проблема? Может, это вам, москвичам, не проблема, а мы должны работать каждый день, чтоб прокормиться, – вздохнув, сказала цыганка и посмотрела в глаза Эдуарду.

– Сколько вы зарабатываете в день? – уверенно, без запинки выговорил Эдуард и почувствовал, что снова на коне.

– По-разному. Бывает и десять рублей, а бывает совсем ничего.

Эдуард достал из бумажника двадцать рублей и протянул цыганке:

– Вот, считайте, что сегодня вы отработали.

Цыганка сразу взяла деньги и спрятала их в том же непонятном месте в складках юбки.

– А что это за книжка у тебя в руках? – сразу сменив тему

разговора, спросила она.

– Не знаю. Думал, что опять придётся прождать вас весь день. Решил занять себя чем-нибудь.

Цыганка взяла у Эдуарда книгу.

– А ты меня ждал?

– Ждал. Вчера весь день ждал. Честное слово! – почему-то стал клясться Эдуард.

Цыганка открыла книгу и стала вслух читать первый попавшийся абзац:

«Ёжик сказал медвежонку:

– Как всё-таки хорошо, что мы друг у друга есть!

Медвежонок кивнул.

– Ты только представь себе: меня нет, ты сидишь один и поговорить не с кем.

– А ты где?

– А меня нет.

– Так не бывает.

– Я тоже так думаю, – сказал Ёжик. – Но вдруг вот – меня совсем нет. Ты один. Ну что ты будешь делать?

– Пойду к тебе.

– Вот глупый! Меня же нет.

– Тогда ты сидишь на реке и смотришь на месяц.

– И на реке нет.

– Тогда ты пошёл куда-нибудь и ещё не вернулся. Я побегу, обшарю весь лес и тебя найду!

– Нет, – сказал Ёжик. – Меня ни капельки нет. Понима-

ешь?

– Что ты ко мне пристал? – рассердился медвежонок. – Если тебя нет, то и меня нет. Понял?»

Эдуард, слушая её обворожительный голосок, подумал: «Странно. Вчера ночью я думал так же, как этот медвежонок».

Цыганка подняла взгляд на Эдуарда. Тот чуть не потерял дар речи, когда локон её чёлки откинулся с глаз, и на него уставились два огромных смоляных озера, окаймлённые пушистыми бесконечными ресницами. В горле у Эдуарда снова запершило, и стало нестерпимо душно.

– Всё-таки сложная штука жизнь, – выдавил из себя Эдуард. – Вот вчера у меня было одно маленькое желание: увидеть вас. Но когда вы не пришли, это желание превратилась в большую мечту. И сегодня она исполнилось.

Цыганка нежно улыбнулась:

– Ты такой смешной.

Наступило неловкое молчание, и чтобы как-то заполнить пустоту, Эдуард спросил:

– А что вы любите читать?

– А всё подряд. Что попадётся под руку, то и читаю. Хотя школу я не закончила, но читать люблю. Мать в детстве приучила. Говорила, что будешь невежей, замуж никто не возьмёт. Отец, правда, так не думал. А когда мать умерла, отец запретил вовсе ходить в школу и отправил работать наравне с братьями.

– Мне очень жаль. У вас, наверное, было тяжёлое детство? – участливо спросил Эдуард.

– У нас все дети начинают работать с ранних лет. Хотя тебе, наверное, этого не понять. Да и что это за работа, стоять с попугаем в парке? Наверное, так всю жизнь и простою. А так хочется иного, как в книжках.

– Да, вы достойны большего.

Цыганка немного задумалась и, кокетливо поправив волосы, сказала:

– А ты хороший... добрый. Ладно, пойду я с тобой в цирк. Но обещай, что не будешь приставать.

Эдуард засмеялся:

– Обещаю.

– Во сколько начало представления?

– В семь часов вечера.

– Тогда жди меня на этом месте в полседьмого, хорошо?

– Хорошо. Да, кстати, я даже не знаю, как вас зовут.

– Как и я тебя.

– Извините, ради бога. Меня зовут Эдуард. Друзья называют Эдик.

– Меня Лилия. Друзья называют... Лилия.

Они рассмеялись, и Эдуард так осмелел, что нежно взял руку цыганки:

– Ну, тогда договорились, Лилия, до вечера.

– До свидания.

«Лилия – как точно иногда имена соответствуют хозяе-

вам!» – думал Эдуард, провожая взглядом цыганку.

Эдуард быстрым шагом направился в свой номер и более уже не выходил оттуда, занятый важными приготовлениями.

Начал он с того, что гладко выбрился. Бритва скользила по довольному лицу легко и непринуждённо, оставляя за собой блестящую гладкую кожу. Затем он придирчиво просмотрел весь свой гардероб и из четырёх вариантов выбрал лёгкий льняной костюм молочного цвета и белую сорочку, привезённую из поездки в Чехословакию. Тщательно проутюжив одежду, он сразу всё надел и подошёл к зеркалу. В отражении на него смотрел элегантный мужчина в зените своей жизни. С этого момента Эдуард старался не садиться, чтобы не помять одежду. Промаявшись в ожидании четыре часа, он вышел на улицу и стал прохаживаться по парку. Ровно в шесть Эдуард уже стоял на условленном месте и приготовился к завершающей фазе ожидания.

Через полчаса, вопреки традиционной привычке слабого пола опаздывать, на горизонте показался знакомый силуэт. Словно плывя по мостовой и озаряя всё вокруг головокружительной улыбкой, Лилия приближалась к Эдуарду. На ней было нарядное цветастое платье, в чёрных кудрях сверкала брошь, а на шее болтались крупные бусы красного цвета. Эдуард непроизвольно зажмурился.

– Ну, как я тебе? – первым делом спросила Лилия.

Девушка явно готовилась к встрече, стараясь понравиться мужчине.

– Вы просто великолепны.

– Спасибо. Я надела своё самое красивое платье. Ну, пойдём, что ли?

Вокруг цирка уже толпился народ и была слышна громкая музыка. Торговцы леденцами и чурчелой яростно атаквали посетителей, стремясь впихнуть им свой товар. Минуя эту разгорячённую толпу и предъявив билеты, Лилия и Эдуард наконец-то оказались внутри огромного шатра. Заняв свои места, они приготовились смотреть представление. Начался концерт, и на арене, сменяя друг друга, стали выступать артисты. Лилия громко смеялась и по-мальчишески свистела в два пальца. Общий дух веселья подхватил Эдуарда и понёс куда-то в неведомые ранее дали заоблачного счастья. Он чувствовал эту черноглазую красотку такой близкой, понятной и открытой, будто бы знал её всю свою жизнь. Оказывается, именно такую он искал, естественную, как ребёнок, и чистую, как ангел. Время стремительно и незаметно летело. Они сидели рядом, то едва касаясь рук друг друга, то вскакивая с мест, чтобы похлопать. Публика ждала конца представления, когда обычно объявляли «гвоздь программы».

– А сейчас, уважаемая публика, гвоздь сезона! Неподражаемый, отважный и неповторимый повелитель лошадей Тарзан и его волшебные скакуны! Встречайте! – пробасил похожий на пингвина конференсье.

Под гром аплодисментов на арену выбежали роскошные лошади. Вслед за ними, облачённый в кожаный жилет, бри-

джи и мягкие ичиги, появился Павел. Эдуард сразу узнал своего знакомого древнегреческого бога. В этом диком одеянии дрессировщик был просто великолепен. Павел умело руководил лошадьми, которые демонстрировали разные трюки: скакали по кругу, перепрыгивали барьеры, пританцовывали, ходили на задних ногах. Легко вскочив на одну из лошадей, вереницей несущихся по кругу, он выполнил несколько акробатических элементов: стойка на руках, перевороты, прыжки. Публика была в восторге, а Лилия впервые за всё представление притихла. Она стояла и тихо, не отрывая глаз от арены, смотрела номер.

– С вами всё в порядке? Если не нравится, мы можем уйти! – забеспокоился Эдуард.

– Нет-нет, всё нормально... – рассеянно ответила Лилия.

Номер закончился, и дрессировщик под бурные овации увёл своих четвероногих артистов за кулисы.

Выйдя из цирка, Эдуард и Лилия держались за руки и о чём-то оживлённо болтали. Мужчина классическим жестом предложил отужинать вместе, и женщина, так же классически заметив, что уже поздно, согласилась. По дороге в ресторан парочка завернула в тир. Эдуард оказался на редкость метким стрелком и даже выиграл для дамы плюшевого медвежонка. Уже скоро они сидели за уютным столиком на открытой веранде ресторана.

– Когда выступали эти клоуны, я чуть живот не надорвала от смеха. Вот умора! А обезьянки? Ой, они такие смешные! –

делилась впечатлениями девушка.

– А мне лошади понравились. Смотря на них, я вспоминал своих лошадей, которые остались в Москве.

Лилия удивилась:

– У тебя есть лошади?

Глава 3. Первый пожар

31 декабря 1987года. Кабинет следователя

– Кстати, объясните, а откуда у вас лошади? Вы купили их на зарплату директора магазина? – усмехнулся Филатов, до этого момента с интересом слушавший рассказ.

Эдуард, вдруг будто опомнившись, запнулся и глянул на следователя. В его отсутствующем взгляде вновь отразился испуг, словно бы его резко разбудили среди ночи и оторвали от прекрасного сна. Тяжесть наручников снова притянула Эдуарда к грешной земле.

– Дело в том, что мой отец работал в горкоме Москвы... – начал издаലെка задержанный. – У него были возможности содержать лошадей. Первых скакунов он привёз из поездки в Туркменскую ССР. В дальнейшем у нас периодически появлялись новые, каких-то он отдавал. А одного подарил сам Гришин, тогдашний первый секретарь горкома Москвы. У отца с Гришиным были хорошие, дружеские отношения. После смерти отца семь лет назад нам осталась дача за городом, где я со своей семьёй и проживаю... то есть проживал. Отец с детства привил мне любовь к этим совершенным животным. Это самое прекрасное, что придумала природа. В каждом их движении чувствуется что-то неземное, высокое и чистое...

Лето 1987года. Сочи

В ресторане играла музыка, и Лилия с Эдуардом ворковали за своим столиком. Эдуард ловил на себе кокетливые взгляды девушки, от чего его бросало то в жар, то в холод. Он тихо млел от нежности к своей избраннице и любовался её непослушными кудрями, разбросанными по загорелым красивым плечам.

– Ты так красиво говоришь о лошадях, – заметила Лилия, – что мне самой захотелось стать лошадю. Хотя если бы ещё вчера мне кто-то сказал, что я похожа на лошадь, то я бы убила его.

Эдуард, смеясь, поднял бокал с лимонадом:

– Тогда выпьем за красоту, которая спасёт мир.

– Красиво сказал, – похвалила его Лилия, кокетливо накручивая на палец локон своих пышных волос.

– Это сказал не я, а Достоевский.

– Это твой друг?

– И не только мой... с Достоевским должны дружить все.

– А почему у тебя бокал с лимонадом?

– Понимаешь, в чём дело... – сделав паузу, смутился Эдуард. – А, ладно... какого чёрта!

И он с чувством, которое испытывает игрок, ставящий всё на «зеро», налил себе рюмку коньяка... Утром Эдуард проснулся в своём номере. Его безжалостно мутило, а в голове гудело, как в паровом котле. Он с трудом разлепил правый глаз. В мутном фокусе глаза расплывался чей-то обнажённый силуэт. Эдуард открыл второй глаз, и рассеянная сюрре-

алистическая картинка собралась в одно целое, превратившись в Лилию, которая в неглиже расчёсывала волосы перед зеркалом. Рядом с ней на полу, прислонённая к стенке, стояла большая картина с цыганской кибиткой. Мужчина, ничего не понимая, уставился на голую девушку.

– Проснулся, соня? Я ужасно проголодалась. Одевайся, пойдём позавтракаем, – сказала Лилия, увидев проснувшегося любовника.

– Лилия? Что?... Что вы тут делаете? – совершенно искренне недоумевая, спросил Эдуард.

Цыганка обернулась к мужчине:

– Как это, что делаю?! А кто вчера умолял не уходить? Кто вчера ползал на коленях и признавался в любви? Кто вчера обещал жениться?

– Я?!

– Нет, Достоевский! Может, ты ещё и не помнишь, как почти силой затащил меня в свой номер?

Лилия расплакалась и начала собирать свои вещи, разбросанные по всему полу:

– Скотина! Подлец!.. А я-то, дурочка, возомнила себе, что теперь всё будет как в книжках.

– Лилия, подождите... я... вы... Вы всё не так поняли, – промямлил Эдуард, борясь с подступившей тошнотой.

– А как это ещё понимать? Обманул доверчивую девушку, затащил в постель...

– Но я не обманывал вас...

Лилия, кое-как одевшись, выскочила из номера. Её рыдания ещё долго слышались в пустом коридоре гостиницы. Эдуард попытался было догнать девушку, но крайне неудачно запутался в штанинах и шлёпнулся голым телом на казённый паркет.

Вечером того же дня Эдуард искал Лилию по всему побережью. Он прошёлся несколько раз по парку, спрашивал у прохожих, искал около пляжа и даже рядом с цирком. Никто её не видел. Цыганка испарилась, как мираж, словно её и не было никогда.

Пробродив по городу весь вечер, Эдуард вконец выбился из сил и пришёл на берег моря. Солнце прощально стелило по воде свои последние желто-оранжевые лучи. Эдуард отрёшённо пошёл по урезу прибоя. Его печальный силуэт на фоне золотого заката в этот момент был достоин кисти лучших мастеров. Под грустную мелодию, играющую в его душе, он оставлял одинокие следы, которые сразу же слизывала очередная накатившая волна. Лирический мотив, не выдержав тесноты внутреннего мира Эдуарда, наконец вырвался на волю, оказавшись мелодией из музыкального спектакля «Юнона и Авось».

– Я тебя никогда не увижу. Я тебя никогда не забуду... – голосом, готовым сорваться на плач, тихо пропел про себя Эдуард.

Ветер доносил то звуки где-то играющей музыки, то голоса загулявших людей, но все они утопали в монотонном

плеске волн. Солнце уже совсем скрылось за горизонтом, и скоротечные южные сумерки уступили место вечерней темноте, когда вдруг до Эдуарда, перебивая тихий шелест волн, стали доноситься стоны и всхлипывания. Эдуард посмотрел вперёд и в свете одинокого фонаря увидел Лилию. Она, прислонившись к большому валуну, стояла, закрыв руками лицо. Рассеянный свет фонаря освещал сторбленную фигуру девушки, которая мелко содрогалась от душившего её плача.

– О боже, Лилия! Слава богу! – вырвались у Эдуарда слова облегчения.

Он подбежал к девушке и взял её за плечи. Лилия, не поднимая головы, продолжала плакать.

– Послушайте, я хотел извиниться! – быстро, боясь, что его перебьют, начал Эдуард. – Я понимаю, что обидел вас. Я не хотел. Чёрт... что я говорю? Понимаете? У меня есть такая особенность организма: если я выпью, то потом ничего не помню. То есть совсем ничего. И я был удивлён, когда утром проснулся и увидел... вас. Но это всё не важно. Самое главное, что я хотел сказать...

В ночном небе, со стороны пустыря, где расположен цирк, начало подниматься зарево пожара, но Эдуард не замечал ничего вокруг в тот момент. Он просто хотел, чтоб его выслушали.

– ...Это то... что я вас люблю.

И будто большая, тяжёлая скала упала с плеч. Слова стали литься легко. Казалось, что говорил не он, а нужные слова

кто-то сверху вкладывал в его уста.

– ...Люблю с первого взгляда. Я понимаю, это звучит глупо, когда взрослый мужик рассказывает о любви с первого взгляда, но это на самом деле так. Я столько лет искал вас и вот, кажется, нашёл.

Лилия перестала плакать и, затаив дыхание, слушала горячее признание. Наконец она подняла голову, и Эдуард обомлел: на её лице виднелись многочисленные кровоподтёки, а под глазом горел большой синяк.

– Господи, Лилия... кто это сделал? – испугавшись, спросил мужчина.

– Братья. Они хотели убить меня... – тихо отвечала цыганка. – Я опозорила семью, когда осталась с тобой вчерашней ночью. Они заперли меня в сарае и пошли искать тебя. Кроме того, у них были какие-то дела этой ночью в городе. Уезжай, тебе грозит опасность.

– Я без вас никуда не уеду!

– Без меня? Ты не понимаешь? Со мной всё решено. Мне осталось-то жить пару дней, пока они меня не найдут.

– Это вы не понимаете. Я люблю вас. Не для того я искал вас столько времени, чтоб вот так потерять. Неужели вы думаете, что я теперь оставлю вас? Мы сейчас же уедем.

Лилия приподняла бровь и удивлённо глянула на Эдуарда, на лице которого была написана непоколебимая решимость.

– Мой любимый, ты правда не оставишь меня? – с надеждой в голосе спросила девушка.

Смотря на это избитое личико, ощущая нежность её прикосновений, слыша любимый голос, Эдуард отчётливо понял, что теперь в его жизни всё изменилось. Теперь он не будет принадлежать самому себе. Две судьбы тесно сплелись в одну жизнь, которая тянулась к солнцу и требовала своей порции счастья.

Вдруг в их разговор грубо вмешался звук истерично завывающей сирены. Он ревел и приближался вместе с огромной пожарной машиной, освещающей себе дорогу красно-синими огнями. Пожарники на полной скорости пронеслись по дороге в сторону цирка. Только сейчас Эдуард и Лилия заметили беснующееся пламя пожара над тем местом, где был цирк.

– Пожар. Пламя. Вот какое пламя вы нагадали мне? – прошептал Эдуард.

Со стороны пустыря, где бушевал пожар, послышался топот конских копыт. Звук нарастал, и на берегу, освещаемом луной, появились бегущие галопом лошади. Группа лошадей скакала в сторону Эдуарда и Лилии.

– Мамочки! Это братья! Они нашли нас, – вскрикнула Лилия.

Они забежали за валун, и вовремя, потому что в это время табун пронёсся в двадцати метрах от них. Лошади были без наездников. Только на первой лошади, в авангарде группы, сидел низко пригнувшийся человек.

– Если это был один из твоих братьев, то у него очень хо-

рошие лошади, – сказал Эдуард, провожая взглядом уносящихся в ночь лошадей.

– Нет, это не мой брат. Но я его где-то видела.

– К чёрту его. Скорее, у нас мало времени.

С этими словами Эдуард взял Лилию за руку и быстро зашагал прочь. Они прошли по тропинке мимо парапета, выбрались на другую улицу и побежали по направлению к гостинице.

– Лилия, у вас паспорт с собой?

– У меня его никогда не было.

– Плохо. Придётся договариваться с проводником.

– Эдик...

– Что?

– Перестань меня называть на «вы». Ненавижу, когда мне выкают.

* * *

...«Советские поезда – самые поездатые поезда в мире!» – этот народный лозунг был злой усмешкой в пику разбушевавшемуся советскому агитпропу. В каждом министерстве или любом другом государственном учреждении сидели такие восторженные оптимисты, которые то ли сами верили, то ли надеялись, что народ поверит в то, что в Советском Союзе всё самое лучшее! Нет, в великой стране, конечно же, было чем гордиться, но когда повод для гордости под бди-

тельным присмотром спускался сверху, он начинал отдавать партийными духами «Красная Москва» и казённостью правительственных коридоров. Периодически на свет появлялся свежий лозунг с обязательным словом «самый», призванный донести до людей очередную радостную истину. К примеру, лозунг «Советские курорты – самые лучшие курорты в мире» должен был успокоить людей, к которым ненароком могла забрести в голову предательская мысль, что на свете могут быть и другие курорты. «Советский народ – самый счастливый народ в мире» – этот лозунг должен был охватить ещё большую массу людей, которая не могла себе позволить на своём примере проверить подлинность лозунга про курорты. И вдогонку следовал лозунг, призванный закрепить достигнутый успех: «Советский Союз – самая лучшая страна в мире». Из-за слишком частого употребления в государственных посылках слова «самый» такие правдивые лозунги, как «Наш Шерлок Холмс – самый лучший Шерлок Холмс в мире» или «Советский Союз – самая читающая страна в мире», терялись в громогласном оптимистическом хаосе. В безмерном количестве плакатов и лозунгов, подстерегающих советского человека за каждым углом, сама собой появлялась мысль, что впору было создавать новую государственную структуру под названием «Министерство по делам Оптимистического Максимализма».

...Стук колёс поезда «Сочи – Москва» задавал ритм течению жизни пассажиров. Вагон плавно покачивался на уходя-

щих за горизонт рельсах и скрипел каждым стальным болтиком своей железной души. В знойном воздухе седьмого купе немым укором всему министерству путей сообщения служил вид наглухо закрытой форточки. Никакие физические усилия не могли сдвинуть с места упрямую створку, задвинутую каким-то добросовестным и, судя по всему, очень сильным работником проводниковой братии. Кто это сделал, никто не знал, что не мешало каждому, кому посчастливилось ехать в этом купе, вспоминать его с особым трёхэтажным удовольствием. Жара была такая, что сидеть при закрытых дверях было невозможно. За окошком весело мелькали ночные огни. Из соседнего купе доносился богатырский храп.

Эдуард и Лилия сидели за столиком. В тусклом освещении купе девушка всматривалась в своё отражение в маленьком зеркальце. Здоровенный синяк под правым глазом настолько резко диссонировал с другими частями ангельского личика, что казался неудачным театральным гримом.

Девушка дотронулась до вспухшей щеки и поморщилась от боли.

– Не переживай, дорогая, через неделю всё пройдёт, – успокоил её Эдуард.

– Мне так страшно! – невпопад ответила Лилия.

– Я же сказал, что пройдёт.

– Я не этого боюсь. Раньше я не выезжала дальше Сочи, а тут Москва, неизвестность...

– Любимая, я тебя в обиду не дам. Теперь у тебя будет новый дом и новая семья. Ты веришь мне? – сказал Эдуард и пересел поближе к цыганке.

– Очень хочу верить... – прошептала Лилия, щурясь перекосенной стороной лица на Эдуарда.

За окном замелькали фонари, поезд потихоньку сбавил ход. Впереди, в неярком освещении электричества, появилась какая-то маленькая станция. В тишине ночи слышался смех проводников и весёлый мат сцепщиков, и, словно бы подтверждая малозначительность станции, состав тут же тронулся, сделав остановку лишь на две минуты.

Спустя несколько минут, к удивлению Эдуарда, купившего все места, в открытую дверь седьмого купе вошёл человек с дорожной спортивной сумкой в руках. Его широкие плечи обтягивала лёгкая парчовая куртка, а ноги – модные импортные джинсы. На запястье красовались часы «электроника 5».

– Здравствуйте, люди хорошие! – весело поздоровался вошедший.

– Здравствуйте... – удивился Эдуард новому пассажиру.

– Ого, по-моему, мы уже встречались! – сказал пассажир, оказавшийся Павлом.

– Да-да, на пляже, – узнал того Эдуард.

– Точно! Надо же, какая встреча! А вы что, уже уезжаете? Короткий же у вас получился отпуск.

– Так получилось, что мне срочно нужно вернуться в Москву.

– Понимаю. Сам туда спешу.

– А это моя... ээ... спутница, Лилия.

– Очень приятно, – сказал Павел и взглянул на Лилию.

Девушка, забыв обо всём, во все свои полтора глаза смотрела на Павла. Из-за недавно приобретённой физической особенности её лицо не совсем точно передавало переживаемые чувства, отчего было непонятно, то ли она испугалась, то ли была ужасно рада видеть новоявленного соседа по купе.

– По-моему, я не совсем вовремя, – замялся Павел. – Вы тут, по-видимому, что-то... серьёзное обсуждали.

– Нет-нет... – спохватился Эдуард. – Не обращайтесь внимания. Лилия неудачно упала с лестницы.

И чтобы как-то перевести разговор, спросил:

– А у вас что, гастроли уже закончились?

– А вы не в курсе? Цирк же вчера вечером сгорел.

– Какой ужас! Мы видели зарево, но я и не думал, что это горит цирк! – искренне удивился Эдуард.

– Да уж, горело так, что мама не горюй.

– А жертвы есть?

– Да я, честно говоря, не в курсе. Пойду покурю, – с этими словами Павел достал сигареты и вышел из купе.

– Нет, это всё-таки возмутительно! – чуть погодя обратился Эдуард к Лилии.

– Что, дорогой? – очнулась от задумчивости девушка.

– Я же купил все места в этом купе, чтобы нас никто не

смушал.

– Ну, не сердись. Всё же бывает. Может, он ошибся купе.

– Нет, я этого так не оставлю! Я сейчас же поговорю с проводником.

С этими словами Эдуард с самым решительным видом вышел из купе и пошёл искать подлого проводника. Не найдя его в своём вагоне, он решил перейти в следующий. Там за общим столом собрались несколько проводников из разных вагонов. Они отмечали чей-то день рождения.

Один из «вагоновожатых», держа в вытянутой руке гранёный стакан с прозрачной жидкостью, важно вещал:

– Давайте выпьем за Палыча. Золотой человек, что и говорить! Столько лет хожу с ним в рейды, ещё ни разу не подставил, не подвёл. Нету этой подлянки у него...

Судя по стеснительно потупленному взору и признательной улыбке, Палычем был сидящий у окна мужчина, по совместительству оказавшийся ещё и проводником вагона, в котором ехал Эдуард.

– Извините, что прерываю, могу я с вами переговорить с глазу на глаз? – спросил Эдуард, смотря на Палыча.

Проводник пробубнил что-то так, чтобы услышали только сидящие за столом. Сидящие тут же с ухмылкой оглянулись на прервавшего застолье мужчину.

– Ну, что ещё? – недовольно скривил губы Палыч, от которого разлило дешёвым коньяком и шпротами.

– У меня к вам просьба. Не могли бы вы найти для нас

другое купе? – вежливо попросил Эдуард, стараясь держать в узде священный гнев обманутого потребителя.

– Ещё чего! Свободных мест нет. Тем более для вас с вашей спутницей, – резко возразил просителю именинник. – Мало того, что взял её без документов – на свой страх и риск, между прочим, – так чего доброго эта цыганка стащит у пассажиров что-нибудь. Вообще, я бы вам не советовал выпускать её из купе. Такой интеллигентный человек, а водите знакомства с асоциальными элементами. Учтите, я не допущу краж во вверенном мне вагоне.

Что-то щёлкнуло от этих слов внутри Эдуарда. Какая-то дверь с вывеской «не беспокоить» вдруг открылась, и оттуда, сонно зевая и потягиваясь, вышли смелость и отвага. «И откуда что берётся?» – успел подумать Эдуард, когда взял проводника за грудки и прижал к закрытым дверям купе. Повидимому, события последних двух суток затронули глубинные струны его души, дойдя до первобытных мужских инстинктов, доселе погребённых под толстым слоем хорошего воспитания.

– Слышишь, сморчок! – смотря прямо в глаза проводнику, сказал Эдуард и тут же подивился собственной дерзости. – Ещё раз вякнешь нечто подобное, и я размажу тебя по стенкам вверенного тебе вагона. Когда ты сдирал с меня тройную цену за четыре места, ты был сама вежливость. Забыл уже?

– Да я что? Я ничего. Просто действительно мест нет, –

испуганно зататорил проводник.

– Так бы и сказал... – произнёс Эдуард, и для профилактики подержав проводника в таком положении ещё несколько секунд, разжал руки.

Возвращаясь в своё купе, Эдуард ещё думал о случившемся. Ещё никогда, по крайней мере пребывая в трезвом состоянии, он не позволял себе такой бестактности по отношению к людям. Чуть выпив, он становился неуправляемым, раздражительным и даже агрессивным человеком, его характер менялся на прямо противоположный. Но что случилось сейчас? Он же был абсолютно трезв. Хотя нет. Он был влюблён, а опьянение любовью, получалось, действовало на него так же, как и алкоголь. Какая-то гордость за самого себя поднялась изнутри и вызвала довольную улыбку. Должно быть, именно так себя чувствовал первобытный мужчина, только что спасший свою пещеру от саблезубого тигра. И сейчас, словно человек, сделавший себе новые коронки на зубы и теперь привыкающий к новым ощущениям во рту, Эдуард тревожно прислушивался к новому осознанию самого себя. В таком углублённом в собственные мысли состоянии он подошёл к своему купе и услышал весёлый Лилин смех.

– Дорогой, ты вернулся? Знаешь, Пашка оказался очень интересным собеседником, – улыбаясь одной стороной лица, обратилась к Эдуарду Лилия.

– Пашка? – удивился Эдуард.

– Да, так зовут меня друзья, – отозвался Павел.

– О, вы уже, значит, подружились?

И снова он открыл в себе новое чувство. Какая-то неприятная злоба по отношению к Павлу и обида на Лилию, взявшись за ручки, вместе постучались в душу Эдуарда. Так он в первый раз в жизни познал ревность. Новое чувство, как показалось Эдуарду, было противным и холодным, словно оставленная с вечера в холодильнике манная каша.

– Я как раз рассказывала Пашке про обезьянок, которых мы видели в цирке, – тем временем весело щебетала Лилия.

– Да, было хорошее представление. То, что случилось с цирком, это ужасно. А лошади? Что с ними? Сгорели? – Эдуард сел возле Лилии и присоединился к разговору.

– Лошади? Нет, лошади целы.

– Слава богу! Вы храбрый человек. Я видел, как вы управлялись с лошадьми. Сразу чувствовалась опытная рука. Где вы этому научились? – поинтересовался Эдуард.

– Мой отец служил в конной милиции, и я пацаном часто бегал к нему на конюшню. Знал поимённо всех лошадей. Это удивительные животные. Они никогда не предадут хозяина. Даже не хозяина – друга. Лошади должны чувствовать в человеке друга. И тогда пойдут с тобой хоть на смерть.

Как обычно бывает в поезде, тесное знакомство завязалось быстро. По мере общения выяснилось, что Павел оказался добрым и весёлым малым. Он много шутил и рассказывал весёлые и смешные истории из собственной, весьма насыщенной цирковой жизни. Чем дальше, тем больше Эду-

ард симпатизировал Павлу. Через час ему уже казалось, что они знакомы всю жизнь. Этот весёлый простой молодой человек с открытым взглядом серых глаз не мог не нравиться людям. Спустя какое-то время попутчики решили поужинать и, весело смеясь, переместились в вагон-ресторан. Там в ночной час не было никого, и они уселись за первый попавшийся стол.

– ...Я ему говорю: ты что это с утра в гриме? – всё сыпал историями Павел. – А он отвечает: это не грим, это мы с мужиками вчера аванс обмывали.

Все трое засмеялись.

– Кстати, а почему ты уезжаешь? – вспомнив про пожар, спросил Эдуард. – Ведь, наверное, будут собирать новую трупку. Лошади целы, так что мог бы работать дальше.

Павел вдруг сразу стал серьёзным. Перестав улыбаться, он ответил:

– Понимаешь... у меня документы сгорели на пожаре, а у нас в стране, сам знаешь, без бумажки ты букашка. Вот, еду в столицу восстанавливать. Только у меня знакомых нет в Москве. Даже не представляю, где буду жить? Можно, конечно, в гостинице, но это накладно.

Лилия повернулась к Эдуарду и, мурлыкая, предложила:

– Милый, может, ты возьмёшь его к себе? Он бы тебе и с лошадьми помог.

– У тебя есть лошади? – с интересом спросил Пашка.

– Да, два ахалтекинца.

Павел откинулся на спинку стула и с каким-то новым интересом взглянул на Эдуарда.

– Мне всегда были интересны люди, которые увлекаются лошадьми. У меня с ними много общего, – сказал Павел.

– А ведь это хорошая идея. С моей работой на животных почти времени не остаётся. Поезжай с нами, Пашка, – с ходу неожиданно для себя согласился Эдуард.

Ему эта идея очень понравилась. Он давно искал для своих скакунов хорошего смотрящего. Лошадям нужна была твёрдая рука, которой не было у Эдуарда. Животные, чувствуя это, в последнее время совсем перестали слушать хозяина. Кроме того, за ними нужен был постоянный уход, но из-за рабочего графика Эдуард не мог быть рядом с лошадьми постоянно.

– Предложение, конечно, заманчивое, но я боюсь, что стесню вас.

– Глупости. Места всем хватит. Тебе всё равно негде оставаться, а тут будешь и при любимом деле и пусть при небольшой, но всё-таки зарплате. Ну, пока сам не захочешь уехать.

– Ну что ж! Я согласен. За это нужно выпить. Эй, командир! – крикнул Павел.

К столику, сильно сопя носом, подошла официантка в грязном фартуке. В её заспанных глазах читалось сожаление о прерванном сне и какое-то страшное проклятие.

– Принеси-ка нам бутылку «Советского».

– Ага, щас! Вот прям побежала и принесла! – угрюмо от-

ветила официантка. – Ты сперва заплати за неё, а потом заказывай. А то знаю я вас таких. Закажете, выпьете, а потом смываетесь. Плати потом за вас.

– Нет, барышня, это не про нас. Держи! – С этими словами Павел вытащил из кармана пачку денег и расплатился с официанткой.

– Ого, с такими деньжищами – это мне впору к тебе заниматься! – к всеобщему веселью пошутил Эдуард.

Глава 4. Алтарь для матери

По дачному посёлку Подмосковья, между зелёными дощатыми изгородями и красивыми палисадниками, пылило жёлтое такси. Проехав по главной дороге, такси завернуло в переулок и остановилось рядом с резными белыми воротами. Всю дорогу тикавший счётчик наконец-то замолк. Эдуард расплатился с таксистом и вышел из автомобиля. За ним последовали Павел и Лилия.

– Вот моя деревня, вот мой дом родной, – расплываясь в умиленной улыбке, произнёс Эдуард.

Он открыл дверцу, и все трое вошли во двор. Перешагнув порог, они словно бы сделали прыжок во времени и перенеслись на столетие в прошлое. Перед ними, утопая в вишнях и розовых кустах, стояла небольшая двухэтажная усадьба с белоснежными колоннами, зелёной крышей и романтическим балкончиком. По периметру, с внутренней стороны довольно высокого забора, росли голубые ели. Справа от дома был отгорожен манеж, там же виднелась деревянная конюшня с небольшой пристройкой. Просторный приусадебный двор пестрел клумбами и всевозможными деревьями, между которыми аккуратно были высланы дорожки из спилов. Свободное пространство перед домом и конюшней было выложено брусчаткой. Рядом с загоном на изумрудном газоне высилась резная летняя беседка, под крышей которой сто-

яли кресло-качалка и небольшой круглый столик, накрытый белой скатертью. Смотря на эту красоту, можно было подумать, что стоит только углубиться в зелёный сад, и там, под тенистой кроной липы, непременно встретишь сидящую на скамеечке барышню, которая, аккуратно подобрав нежной ручкой кружевное платье, зачиталась томиком Байрона. Всё тут дышало русским аристократизмом конца восемнадцатого века. Хотелось французского шампанского, ангажементов на балах и весёлой мазурки.

Тем временем Эдуард, Лилия и Павел прошли в дом. Из холла на второй этаж вела деревянная винтовая лестница в один оборот, перила которой были украшены узорами русской гжели. Весь интерьер дома был выполнен в пастельных тонах, что делало внутреннее убранство светлым и уютным. На стенах висели репродукции картин известных художников. Среди них было также несколько подлинников, но их авторы были скорее малоизвестны.

– И ты здесь живёшь? – озираясь, спросила Лилия, что можно было понять как «Неужели и я тут буду жить?!».

– Теперь мы вместе будем тут жить, дорогая! – к пушему удовольствию Лилии подтвердил её догадку Эдуард.

– Всё так красиво! – восхищённо заметила Лилия.

– Да, чувствуется женская рука.

– Что?! Какая такая женщина? Ты не говорил ни о какой женщине.

Лилия удивлённо оглянулась на Эдуарда.

– Тихо-тихо. Что ты встрепелулась? Это дело рук моей мамы. Она же тоже женщина.

– Твоя мать живёт вместе с тобой?

– Ну да! А я тебе не говорил? Я бы один пропал. Совершенно не приспособлен обслуживать сам себя. Пойдём, покажу нашу комнату.

Они поднялись на второй этаж, оставив Павла рассматривать картины в холле. Из всего многообразия картин он узнал только одну. Эта была репродукция картины Шишкина «Утро в сосновом бору». Павел вспомнил, что недавно ел конфеты, на обёртке которых была такая же картинка. «Мишка косолапый» – так, кажется, назывались эти конфеты.

Тут он затылком почувствовал непонятную тревогу. Павел обернулся и встретился взглядами с суровым седым мужчиной, смотрящим на него из обрамлённой золотой рамкой картины. По взгляду из-под косматых бровей можно было поднять, что гость герою портрета очень не нравится. Казалось, вот-вот из нарисованных губ должно было слететь что-то вроде: «Чё припёрся?» Впрочем, логично было бы предположить, что ему не нравился никто из тех, кто заходил в дом. Картина висела над аркой, ведущей из холла, и заходящие в просторную комнату не сразу замечали у себя над головой этого неприветливого старика.

В этот момент слышались шаги спускающегося со второго этажа Эдуарда. Воодушевлённый любовью, он что-то

насвистывал себе под нос.

– Это кто? – спросил Павел, указывая на картину.

– Это мой отец, – улыбаясь, ответил Эдуард. – Добрейшей души был человек. Посмотри, какой у него ласковый взгляд.

И было непонятно, то ли Эдуард иронизировал, то ли действительно считал этого угрюмого старика добрым.

Павел изумлённо заморгал, но ничего не ответил.

– Пойдём, покажу твои апартаменты, – сказал Эдуард, и они оба вышли во двор.

Красивый флигелёк, украшенный резными ставнями и высоким крыльцом, напрямую прилегал к конюшне и даже имел отдельный вход прямо к стойлам. Выкрашенный в светло-голубой цвет, он напоминал домик Снегурочки.

Раздался щелчок, и деревянная дверь со скрипом распахнулась. Внутри всё было не так мило, как снаружи. Вся мебель единственной комнаты состояла из железной кровати, книжного шкафчика и грубо сколоченного стола с одним стулом. На подоконнике в пузатых горшках росли кактусы всевозможных размеров и форм. Причём некоторые формы были настолько экзотичны, что любой воспитанный человек при виде их тут же стыдливо старался отвести взгляд.

– Вот твоя комната. Условия, конечно, не люкс, но жить можно. – И Эдуард жестом благородного рыцаря обвёл комнату рукой. – Здесь есть всё необходимое. В той комнате кухня, дальше санузел. Кровать, стол, стул... чисто мужская берлога.

– Да, всё по-мужски... – ответил Павел и покосился на подоконник.

Эдуард прошёл на кухню, и его голос зазвучал из конца коридора:

– Здесь жил папа, когда они с мамой ругались. Ну, знаешь, всякое бывало. Отец был человеком с тяжёлым характером, но справедливым. – Послышалось журчание воды из крана. – На кухне есть вся необходимая посуда и небольшой холодильник.

– Ясно, – вздохнул Павел. По его голосу можно было понять, что после увиденного в доме он ждал совсем другого. – Ну, а где лошади?

– Пойдём, покажу моих красавцев, – ответил Эдуард, вытирая руки полотенцем.

В конце коридора была дверь, из-за которой уже слышалось нетерпеливое фырканье. Из конюшни пахло навозным духом и прелым сеном. Две изящные лошадиные головы выглянули из стойла и приветственно заржали.

– Вот они, мои любимые, – нежно сказал хозяин и потрепал лошадиные холки. – Жеребец и кобылка. Ну, как они тебе?

– Красивые. Обожаю ахалтекинцев. Их пластику и грацию, крепость экстерьера ни с чем не перепутать. Очень грациозные лошади.

Павел подошёл к жеребцу и, словно покупатель на базаре, грубо раздвинув губы лошади, заглянул ей в пасть. Лошадь,

не привыкшая к такому обращению, презрительно фыркнула и отдёргнула голову.

– Ого! С норовом.

– Был ещё один старый жеребец. Мишка – так мы его звали. Грустная история получилось с ним.

Эдуард привычным движением подлил в поилки лошадям воды и дал корма.

– Расскажешь? – спросил Павел.

Мужчины, продолжая разговор, вышли из конюшни. Эдуард ответил не сразу. Облокотившись о толстую рею загона, он обвёл взглядом весь дом. В памяти всплывали подробности той истории.

– Отец привёз из Туркмении эту кобылку, тогда ещё совсем юную, и Мишку – большого, взрослого самца, – начал свой рассказ Эдуард. – Они долго у нас жили. Года через три отцу подарили молодого жеребца. И стало у нас три лошади: два жеребца и одна кобыла. В общем, классический любовный треугольник. Если бы ты видел, как Мишка ревновал свою любимую к молодому чужаку. А что он мог сделать против молодости и силы? Мишка очень болезненно воспринял отношения между своей любимой и молодым конкурентом. Он перестал есть и целыми днями сидел у себя в стойле. А однажды вечером отец нашёл Мишку мёртвым по середине загона.

– От чего он умер? – спросил Павел.

– Не знаю. Вроде, миокардит, а может, просто не вынес

разлуки.

Последовало молчание. Каждый задумался о своём.

– Ну, ладно. Ты располагайся, а я пойду погляжу, что в доме делается.

Эдуард зашагал к дому, когда услышал звук остановившейся за воротами машины. В дверь потыкали ключом, и на пороге появилась Любовь Александровна собственной персоной.

Это была женщина шестидесяти пяти лет, десять из которых скрывал густой слой тонального крема. Её карие, подведённые тенями глаза выразили крайнюю степень удивления, увидев словно с неба свалившегося сына. Чуть резковатые черты лица смягчались радостной улыбкой напыженных губ. Серый твидовый костюм на дорогой шёлковой подкладке, состоящий из приталенного пиджака и узкой юбки до колен, подчёркивал не по годам стройную фигуру. Элегантная шляпка горшочком и длинная нитка белого жемчуга, в несколько оборотов обведённая вокруг шеи, дополняли романтический образ «иконы стиля салона № 31 по Рю Камбон в Париже». И лишь авоська, болтающаяся в руке Любви Александровны, выдавала в ней советскую женщину. В авоське мирно покоились только что купленные банка сгущёнки, батон «Бородинского», полпалки «Докторской», спички и роман «Доктор Живаго».

Алексей, постоянный таксист Любви Александровны, давно уже уехал, а мать ещё стояла на пороге, оторопело гля-

дя на сына.

– Здравствуйте, мама, – голос Эдуарда вывел из ступора мать.

Эдуард на старый манер называл свою мать на «вы». К этому сына приучила сама Любовь Александровна, считавшая, что уважительные отношения в семье обязательно нужно начинать с правильного обращения. К слову говоря, отца Эдуард всегда называл по-простому, на «ты», чему Любовь Александровна никак не препятствовала, считая это исключением из правил. Почему должно было существовать такое разделение по половому признаку, оставалось неизвестным, так как никому и в голову не приходило спросить об этом у Любви Александровны. Вообще, Любовь Александровна в деле воспитания ребёнка и взращивания семейных ценностей равнялась на старые, ещё дореволюционные времена. Она свято считала, что сейчас молодёжь, к коей она относилась и своего тридцатилетнего сына, совершенно потеряла нравственные ориентиры. Рождённая уже после Великой Октябрьской революции, она была воспитана своей бабушкой – бывшей классной дамой, по всем правилам женских гимназий и нравственных канонов царской эпохи. Особенное рвение в учёбе Любочка проявила к литературе, так что к семнадцати годам перечитала, как ей казалось, почти всех русских писателей, и даже одолела два с половиной раза «Войну и мир». Русская классическая словесность оставила глубокий отпечаток в душе Любви Александровны, и она

пронесла этот огонёк через всю жизнь, окружая себя атрибутами тех времён, когда гремели балы и требовались сатисфакции.

В повседневной жизни это проявлялось в том, что чем больше Любовь Александровна начинала волноваться, тем больше в её речах проскальзывали архаизмы, которыми современный советский человек уже давно не пользовался. Так в моменты глубоких душевных переживаний Любовь Александровна могла, сама того не замечая, заговорить на русском, которым пользовался ещё Император Всероссийский Александр I. Что уж говорить про бурные истерики, когда смысл сказанного мог понять разве что учёный-языковед, специализирующийся на старославянском. В минуты же радости подсознание Любви Александровны самопроизвольно генерировало слова на французском языке, а иногда и целые словосочетания. Эта было особенно занятно тем, что свободно общаться и понимать этот язык женщина не могла. Наверное, в такие минуты в ней говорили прочтённые когда-то десять томов «Война и мир» (те самые два с половиной раза). Эта милая особенность была хорошо известна Эдуарду, и он даже научился этим пользоваться. Так сын мог безошибочно определять настроение матери просто по тому, как она говорит.

– Сынок?! Ты уже вернулся?! Comme est inattendu!¹ – Любовь Александровна подошла и обняла сына. – Господи, осу-

¹ Как неожиданно! (*фр.*)

нулся-то как. Ты там вовремя ел? А почему не предупредил, что едешь? Я бы тебя встретила.

– Мама, ну перестаньте. Вы же знаете, что я этого сюсюканья не люблю. Как к маленькому, честное слово.

– Ладно-ладно. Всё, не буду. Dites-moi, comment vous?² Когда приехал? Ты же должен был приехать только через неделю.

– Я уже час как приехал. И я хотел вам кое...

Но Любовь Александровна перебила.

– ...А я только вернулась из магазина. Представляешь, колбасу ухватила. Пришлось, правда, повоевать. Скорей мой руки и давай за стол.

– Мама, подождите. Я хочу вам кое-что сказать.

– Что? Всё-таки заболел, да? – Любовь Александровна остановилась в холле дома, куда они уже успели дойти, и с волнением посмотрела на сына. – Ну-ка, высунь язык.

– Нет, мама, я здоров. Просто я приехал не один.

– Как не один? А с кем же?

В глазах матери появилась неподдельная тревога. Эдуарду стало страшно, но он уже внутренне был готов к этому разговору. С того самого момента, когда они с Лилией сели в поезд, мужчина в мельчайших подробностях прокручивал в мыслях эту неотвратимо приближающуюся сцену.

Эдуард сделал вдох и как можно спокойнее сказал:

– С невестой. Я встретил девушку, полюбил её и хочу на

² Скажи мне, как ты? (фр.)

ней жениться.

У Любви Гусиной от таких слов медленно округлились глаза. Она даже потеряла дар речи. Впрочем, подобное время от времени случалось с её впечатлительной натурой, поэтому Эдуард с волнением ждал первой фразы и всем сердцем надеялся, что она будет на языке Наполеона.

– Charmant!³ – наконец-то вырвалось у Любви Александровны. – Слава Богу! Господь услышал мои молитвы. Сын, я так рада! Ну, рассказывай скорее, кто она?

Эдуард выдохнул:

– Очень красивая и культурная девушка.

В этот момент на лестнице послышались шлёпанье босых ног, и перед будущей свекровью появилась абсолютно голая Лилия. На заплывшем глазе сизо-бордовым закатом горел фингал.

– Эдик, дорогой... а где у вас тут туалет? – крикнула куда-то девушка, смотря на картины и не замечая хозяев. – А то я сейчас описаюсь.

Эдуард тактично кашлянул. Девушка посмотрела вниз и наконец-то заметила Эдуарда. К нему в ужасе прижималась какая-то пожилая женщина.

– Ой! – испугалась неожиданной встречи Лилия и не сразу сообразила, что стоит голая.

Повисло неловкое молчание.

– Вот... мама, познакомьтесь. Это моя невеста, – только и

³ Прелестно! (*фр.*)

смог сказать Эдуард и зачем-то добавил: – Уверен, она вам понравится.

Глава 5. Чужая свадьба

...После того как уехала «скорая», Эдуард поднялся в покои матери. В комнате витал запах валерианы и скандала. Любовь Александровна, сложив руки на груди, лежала в своей постели и была похожа на очень долго ждущую своего принца спящую красавицу. Лицо её, с закрытыми глазами и приподнятыми домиком бровями, выражало мучительное страдание. Иногда она стонала, и эти стоны были преисполнены горечью рухнувших материнских надежд.

– Мама, как вы? – осторожно спросил Эдуард.

Последовало молчание, но сын знал, что это тяжёлое молчание не сулит ничего хорошего.

– Потрудитесь объяснить, сударь, что это такое? – не отрывая глаз, спросила Любовь Александровна, и её голос прозвучал, словно орган в пустом соборе, делая особенное ударение на слово «что».

– Вы о ком? О Лилии?

– Это ужасно! Ужасно! – Любовь Александровна будто бы не слышала вопроса. – Какое счастье, что ваш папенька, царство ему небесное, не видел этого позора. Культурнейшего склада был человек. Извольте знать, сударь, что он никогда бы не дал благословения на этот... прошу прощения, брак.

Любовь Александровна открыла глаза и укоризненно посмотрела на сына. Тот стоял в дверях, низко опустив голову.

– Ах, я решительно не понимаю, что вас может связывать с этой... – Мать разрывалась между привитой бабушкой культурой общения и непреодолимым желанием сказать гадость: – ...этой негодницей! (Консенсус был найден.) Налейте мне воды.

Эдуард плеснул в стакан воды из стоящего на тумбочке графина и вложил в протянутую матерью руку.

– Право, вы хотите моей смерти, милостивый государь, – отпив глоток, продолжила Любовь Александровна, – а иначе зачем вам эта женщина? Вообразите моё положение! Разве об этом я мечтала, когда вот этой вот рукой качала вашу колыбель?

На последней фразе голос женщины надломился, и Любовь Александровна, закрыв глаза, без сил упала на смятую подушку.

– Но я люблю её... – услышала в темноте закрытых глаз Любовь Александровна. – Я, может, впервые за свою жизнь полюбил. Вы должны понять это, мама...

– Ах, оставьте эти пустые слова. Я это уже слышала, не далее как в прошлом году, – снова вскинулась мать. – Напомните вам, как вы всенепременно желали жениться на той вздорной девчонке из детского отдела вашего магазина? Тогда ваши уверения в том, что вы по-настоящему влюблены, разбились вдребезги о реальность, когда увидели её в подсобке с помощником главбуха.

– Мама, вы опять мне это напоминаете. Я же вас просил! –

поморщился Эдуард.

– Но та хотя бы была русской, – всё не унималась Любовь Александровна, – не то что эта беспардонная дикарка.

– Мама, может, вы всё-таки присмотритесь к ней?

Такого измождённая переживаниями душа Любви Александровны выдержать не могла.

– Ах, сударь, мне дурно даже от одной этой мысли. Подите, подите прочь!

Любовь Александровна непримиримо показала дрожащей дланью на дверь и, закрыв глаза, легла на подушку. При этом её рука продолжала указывать на выход. Бледное лицо задёргалось в мелкой судороге, грозясь вот-вот брызнуть горькими слезами.

Эдуард вздохнул и вышел из комнаты. Спустя мгновение он снова открыл дверь и голосом, в котором сквозила издёвка, сказал:

– Ах да, кстати... Я привёз с собой ещё одного работника. Теперь он будет смотреть за лошадьми и жить в отцовском флигеле. Прошу любить и жаловать.

«Указующий перст» Любви Александровны, который по-прежнему гордо был направлен на дверь, вместе с рукой беспомощно шлёпнулся на постель. К вечеру Любовь Александровна всё-таки немного отошла от утреннего потрясения и вышла из своей комнаты, чтобы приготовить ужин. Материнское сердце, как бы оно ни было исполосовано, не могло выдержать того, что сын останется на ночь голодным.

О том, что на её кухне будет орудовать эта чертовка, не могло быть и речи. После мучительных раздумий Любовь Александровна пришла к выводу, что время само всё рассудит, нужно лишь помочь её заблудшему сыночку увидеть истину.

А истина была одна. «Она ему не пара! – думала Любовь Александровна, шинкуя лук. – Проблема в том, что Эдику нельзя говорить это напрямую».

Любовь Александровна чувствовала, что в сыне произошли какие-то фундаментальные перемены. Он за пару-тройку дней повзрослел и возмужал, чего не мог сделать за тридцать с лишним лет рядом с ней. В другое время мать порадовалась бы за сына, но в данном случае его непослушание выводило её из себя.

«Немного поиграет и бросит, – надеялась Любовь Александровна, смотря, как шипит на сковороде поджарка. – Нужно просто ускорить этот процесс, а для этого нужно помириться с сыном».

Вечером хозяйка любезно угощала всех ужином. В красивой гостиной был накрыт праздничный стол на четыре персоны со всеми атрибутами светского этикета. Перед каждым стулом на столе с белоснежной скатертью стояла декоративная тарелка, на которой возвышались одна на другой тарелки для супа и салата. Справа от фаянсовых тарелок были разложены столовый нож, маленький ножик для закусок и ложка для супа. (В доме была и фарфоровая посуда, но хозяйка, подумав, всё-таки решила использовать фаянс.) Слева же, зуб-

цами кверху, мирно покоились две вилки: одна для основного блюда, а вторая, маленькая, для закусок. К множеству вилок и ножей добавлялись ещё по одной вилочке и ложке, предназначавшихся для десерта, аккуратно разложенные за тарелками. Хозяйка не забыла и про хрусталь. Перед каждой персоной, играя светом на рифлёных боках, стояли бокалы. Один, чуть повыше, был для красного вина, второй, пониже, – для компота. Также на столе педантичной рукой Любови Александровны строго в определённой симметрии были расставлены солонки, закуски и разложены салфетки. Апофеозом праздничной сервировки служила ваза с сиренью под цвет каёмочек фаянсовых тарелок. Алкоголя на столе не наблюдалось.

Около восьми вечера все собрались за столом. В честь первого совместного ужина гости оделись торжественно. Хозяйка надела белую блузу, чёрную юбку с романтичным бантиком на боку и изящные туфельки на высоком каблуке. Выбор вечернего туалета Лилии пал на красное платье в чёрный горошек, бордовые туфли на высокой платформе и чёрные бусы. Из этого пламенного ансамбля несколько выбивался голубой ридикюль, в котором, впрочем, хранились красная помада, красная нитка и чёрная пуговичка. Элегантный серый костюм Эдуарда в ненавязчивую полоску рядом с этим буйством красного выступал в роли скучного фона. Павел, ввиду отсутствия вариантов радикального преображения, ограничился сменой нижнего белья.

Любовь Александровна, вежливо поприветствовав присутствующих, поставила на стол супницу, в которой дымилась куриный суп. Усевшись на своё место, она хотела было предложить гостям не стесняться, но увидев, как Лилия, ловко подцепив ногтями куриную ножку, уже тащит её в свою тарелку, подумала, что это излишне.

– Приятного аппетита, – только сказала хозяйка и взяла себе кусочек сырника.

– И вам, мама, – отозвался Эдуард, наливая себе компот.

– М-м... – послышалось со стороны Лилии.

И только Павел промолчал, потому что где-то читал, что говорить с набитым ртом неприлично.

Для уважающей себя светской хозяйки нет ничего хуже, чем ужин, проходящий в угнетающем молчании. Если только это не ужин близких людей. Лилию и Павла Любовь Александровна никак не могла считать близкими, поэтому мать Эдуарда завела непринуждённую беседу.

– Лилия, расскажите о своей семье, – предложила Любовь Александровна самым миролюбивым тоном.

Лилия на секунду перестала жевать и удивлённо взглянула на будущую свекровь.

– А что о ней рассказывать? Семья как семья... – с набитым ртом ответила цыганка.

– Но, тем не менее, мне интересно.

– Ну, если вам это интересно, то мои родные мама и папа умерли, когда мне было пять лет. Потом меня забрала к себе

и вырастила другая семья. У нас часто так бывает. Ничего необычного. А можно ещё супа?

– Боже мой, какой ужас! – вскинула брови Любовь Александровна, но, взяв себя в руки снова приняла доброжелательный вид. – То есть я хотела сказать, что мне очень жаль, что ваша мать так рано ушла из жизни. Она болела?

– Нет, она попала под поезд. Как эта... как её?... Каретина.

Эдуард, всё это время напряжённо вслушивающийся в разговор женщин, решил вмешаться:

– Каренина. Лилия имела в виду Каренину. Она очень любит читать.

– Вы любите литературу? Похвально. И что вы читаете сейчас? – спросила Любовь Александровна.

– Сейчас ничего. Сейчас я ем.

Мать взглянула на сына, и в этом взгляде не было ничего хорошего.

– Я имела в виду, что вы читали в последний раз? – тоном теряющего терпение человека переспросила мать.

– А... не помню. Но эта книга мне не понравилась, там картинок почти не было.

– Гм... очень мило! – иронично заметила Любовь Александровна. – И сколько же вам лет сейчас?

– Уже восемнадцать, – соврала Лилия и запихнула в рот кусок колбасы.

Снова повисло молчание. Хозяйка решила заполнить его

подачей второго блюда. Эта была аппетитнейшая свинина в сливочно-грибном соусе. Мать поставила большое блюдо на середину стола и вежливо предложила угощаться. Через пару минут от аккуратно нарезанных кусочков мяса остались только приятные воспоминания.

– А вы к нам надолго? – спросила хозяйка вечера, не отрывая глаз от своей тарелки, на которой всё ещё одиноко лежал кусочек сырника.

Отдельное ударение на слове «вы» ясно дало понять, что она обращалась к Павлу.

– Мама, Паша будет смотреть за лошадьми, – вмешался Эдуард. – Я же вам говорил.

– Вот как? А он справится? Ты же знаешь, как отец любил их.

– Не волнуйтесь, мама, он отлично ладит с лошадьми.

– Называйте меня просто Пашка, – наконец-то подал голос Павел.

– Пашка? – будто увидев слизняка, скривилась Любовь Александровна. – И вы не сочтёте это фамильярностью?

– Мама, – снова посчитал нужным вмешаться Эдуард. – Павел – простой человек. Будьте уверены, его такое обращение не покоробит. И кстати, Лилию тоже можете называть на «ты». Не чужие ведь...

За столом опять воцарилась наэлектризованная тишина. Слышны были только чавканье Лилии, скрежетание приборов и позвякивание столовой посуды. Любовь Александров-

на изо всех сил старалась придумать новую тему для разговора, но, ничего не сообразив, пошла за третьим блюдом. Им оказалась нежная телячья вырезка с жареным луком и тушёными овощами.

– А где вы работаете... то есть работали, Павел? – попыталась ненавязчиво спросить Любовь Александровна.

– Я работал в цирке, пока он не сгорел.

– Боже, так вы из того самого цирка? – с вполне искренним интересом оживилась мать Эдуарда. – Я слышала про пожар в Сочи, это ужасно.

– Да, именно оттуда, – отозвался Павел и запихнул в рот кусок, давая понять, что разговор на эту тему ему неприятен.

По крайней мере, Любовь Александровна поняла именно так, хотя, может быть, Павел просто, безо всякой тайной мысли, запихнул в рот кусок говядины.

– Павлу нужно восстановить документы, потерянные в пожаре, а остановиться ему в Москве было негде. Поэтому я его и позвал пожить у нас, как раз и за лошадьми присмотрит, – вновь встрял в разговор Эдуард.

Планировавшийся лёгкий застольный разговор совершенно не клеился. Спотыкаясь на каждом шагу, он тоскливо плёлся по банальным и избитым темам, словно бы нарочно стремясь заглухнуть после каждого сказанного слова. После очередной повисшей паузы Любовь Александровна не нашла ничего лучше, как обратиться к сыну:

– А я сегодня была на могилке отца. Представляешь...

Что именно Эдуард должен был представить, так и осталось неизвестным, потому что как раз в этот момент Лилия смачно отрыгнула. Неблагопристойный для светского ужина звук больно ударил по барабанным перепонкам Любови Александровны, сделав большую пробоину в тонкой душевной организации светской львицы. Попранный вопиющим неуважением застольный этикет требовал немедленно возмездия. Из последних сил цепляясь за ускользающие нити культуры общения, Любовь Александровна попыталась сформулировать своё негодование. Подсознание автоматически отослало её на пять столетий назад:

– В сие одрине реснота благодать великая есть, – изрекла Любовь Александровна. – Устыдилась бы, отроковица! Негоже досадити чадь да срамиться аки... тожде... мамонь окаянная.

В первую секунду Павел и Лилия так опешили от этого случайного набора звуков, что уставились на Любовь Александровну как на умалишённую.

«В этом доме приличие – это дар божий, – тем временем напряжённо переводил для себя Эдуард. – Постыдилась бы, девушка! Нехорошо (и это мягко сказано) оскорблять семью и позориться как... эта самое... обезьяна безбожная».

Любовь Александровна, выдержав грозную паузу, гордо встала, поправила безукоризненно белую блузу и, трагически прищулив глаза, вышла из комнаты.

Повисло неловкое молчание. Было слышно, как на стене

тикают часы и большая чёрная муха, противно жужжа, бьётся о стекло. В первый раз за всё время Эдуард испытал стыд за свою невесту. Облокотившись на стол и обхватив голову руками, он размышлял о сложившейся ситуации. Призрачная надежда на то, что мать примет невесту, хрупкой бабочкой упорхнула в небеса, помахав на прощание розовым крылом. На душе было тяжело и мерзко. Стена социально-культурного предубеждения оказалась непробиваемой, и жалкие потуги Эдуарда преодолеть отчуждение так и остались пустыми мечтами. Варианты закончились. Резко захотелось серого дождя, грустной песни и горькой водки.

– М-да... я думаю, о десерте не может быть и речи, – философски заметил Павел и встал из-за стола.

Вечером, когда все уже ложились спать, Эдуард набрался смелости и зашёл в комнату матери, чтоб пожелать спокойной ночи. Перед тем как постучаться и открыть дверь, он на минуту задумался.

Эдуард действительно любил её и до этого дня старался не расстраивать. Теперь же, после случившегося, Эдуард поражался собственной дерзости... Подумать только, пойти наперекор и привести домой невесту, предварительно не посоветовавшись с матерью! Это форменное самоуправство, нарушение незыблемых устоев семьи и плевок в душу человеку, который «всю жизнь мучился, растил и воспитывал» единственное и горячо любимое чадо. Да он на самом деле спятил! Или всё-таки нет? Может, это как раз и есть настоящая

жизнь? Сделать осознанный, пускай даже спонтанный, но от этого не менее желанный выбор. Сделать выбор самому и защищать его как единственно верный впервые за всю свою парниковую жизнь. Эдуарду вспомнилось, что даже трусы на нём (широкие семейники в зелёный листочек), и те выбирала мать, потому что другие, которые понравились Эдуарду, по мнению Людмилы Александровны, слишком сильно сдавливали мошонку. Поворачивать вспять было поздно. Эдуард любил мать, но эта сыновья любовь была слишком привычна и обыденна. Она была словно большой и красивый ковёр, к которому все так привыкли, что никто уже и не замечает. Любовь же к Лилии была совершенно иной. Это было новое, пьянящее, пронзительное, окрыляющее чувство. Тяга к женщине, которой желаешь обладать и не хочешь ей подчиняться. Эта любовь, как свежий ветер, ворвавшийся из внезапно открытого окна в затхлую комнату и принесший с собой аромат свободных, цветущих буйным цветом равнин. Эдуард чувствовал себя декабристом, восставшим против угнетателя царя (теперь именно так он видел свою мать) во имя высших идеалов. Выбор был сделан. В битве за душу Эдуарда материнская любовь проиграла.

...Коротко постучавшись, Эдуард открыл дверь. В комнате было темно. Не горел даже ночник. Перед открытым настежь окном на фоне тюлевой занавески и уличных фонарей виднелся знакомый Эдуарду с детства силуэт. Любовь Александровна курила, глядя на ночную улицу. Отчётливо види-

мые на свету длинные нити дыма, отделяясь от уголька сигареты, поднимались к потолку, рисуя в воздухе только им понятные узоры. На звук открывающейся двери она даже не повернулась.

– Добрый вечер, мама, – отчего-то охрипшим голосом произнёс Эдуард. – Я пришёл пожелать вам сладких снов.

Последовала холодная тишина. Эдуард вздохнул и хотел было закрыть дверь, как услышал голос матери:

– Кто эти люди, сын? Где ты их нашёл? – сказала она, не поворачиваясь к Эдуарду.

Голос был ровный, даже чуть апатичный. Таким голосом обычно люди в безнадёжной стадии онкологии говорят: «Я умираю».

Эдуард вздохнул и приготовился к решительной битве.

– Я не этого ждала всю жизнь. Разве может интеллигентный, культурный человек нашего статуса быть счастлив с этой цыганкой? Знаешь, что я чувствую сейчас? Я будто бы перенеслась на двадцать лет назад, в тот день, когда чуть не потеряла тебя. Помнишь, когда ты застрял в том проклятом туннеле? Где мы только не искали! Обшарили все дворы, все закоулки. Даже водолазов вызвали, чтоб дно реки прочесать. Боже, я чуть не умерла тогда. Я думала, что потеряла тебя, моего единственного сыночка. Вот и сейчас мне кажется, что потеряла тебя. Ты рядом, а будто бы это не сын вовсе.

Слова матери вызвали в памяти неприятное чувство давно минувших дней, когда, ещё совсем мальчишкой, Эдуард

на спор пролез в старый туннель, прорытый ещё во времена революции. Это был старый, полуразрушенный узкий проход под землёй, свод которого со временем кое-где просел и грозил вот-вот совсем обрушиться. Эдуард, подстёгиваемый другом, в полной темноте, на ощупь, успел пройти по нему метров двадцать, когда от неловкого движения трухлявое бревно, державшее арку, хрустнуло и тяжёлая земля погребла мальчишку под собой. Подождав немного, приятель стал звать Эдуарда, но тот, придавленный тяжёлой сырой землёй, не мог не то что двинуться, но и ответить. Даже чтобы сделать простой вздох, нужно было прикладывать немало усилий. Приятель подумав, что натворил непоправимое, струсил и, как и любой ребёнок в его возрасте, просто убежал домой. Только ночью кто-то догадался заглянуть в туннель, откуда и вытащили почти бездыханное тело ребёнка. С тех пор у Эдуарда развилась тяжелейшая форма клаустрофобии, которой он мучился по сей день. Выход туннеля, чтобы не повторялись подобные несчастья, завалили толстым слоем земли вперемешку с гравием и благополучно о нём забыли.

– Мама, – попытался оправдаться Эдуард, – я понимаю, она слегка странная и несколько выбивается из твоего представления о невестке. Но дай ей время. Она исправится.

– Исправится? – Любовь Александровна резко повернулась к сыну. – Эта? Сынок, что с тобой происходит? Ты ослеп? Она типичная цыганка, хабалка. Она выросла среди

цыган. Она никогда не сможет переродиться во что-то подобающее культурному обществу.

– Мама, о каком обществе вы говорите? – вдруг с удивлением услышал свой голос Эдуард. Голос был чуть визгливым, но в нём чувствовалась уверенность. – Вы всё ещё живёте прошлым. После смерти отца мы стали никому не нужны. И если кто-то приходит к нам, то только в надежде уговорить вас продать этот дом. Касательно Лили... эту девушку я люблю и хочу на ней жениться. И вы не вправе указывать мне на то, что мне следует делать. Спокойной ночи, мама.

Сказано было слишком много. Синим пламенем запылал последний мост. Эдуард развернулся и твёрдым шагом вышел из комнаты.

– Абие покайся, отрок, понеже аз есмь твоя мать и домовит сие хором... – послышался голос Любови Александровны вдогонку сыну, но сразу же прервался громким хлопком закрывающейся двери.

* * *

День свадьбы был безнадежно испорчен мерзким холодным дождём, так что прогулка по Красной площади была отменена. Молодые остались дома, где в гостиной уже был накрыт праздничный стол для самых близких. Самые близких набралось около двадцати пяти человек, среди которых был и Михаил Иванович Валов – давний друг отца. Это был высо-

кий широкоплечий мужчина, выглядевший намного моложе своих шестидесяти пяти лет. Его монументальная фигура, будто бы высеченная из цельной глыбы, нависала над всеми присутствующими, без слов подчёркивая свою значимость. Михаил Иванович, несмотря на свои годы, по-прежнему был на высоком счету у начальства (которое само не отличалось молодыми кадрами) и занимал ответственный пост в министерстве внутренних дел, пребывая в чине генерал-лейтенанта. Отличавшийся жёстким и упрямым характером, Валов умел тонко лавировать и выстраивать целые стратегии для достижения цели в долгосрочных планах. Он был крайне скуп на положительные эмоции и позволял себе улыбнуться в самых редких случаях, когда рядом стоящие чуть ли не надрывали себе животы от хохота после удачной шутки. Так как выражение лица при улыбке было неестественным для мимических мышц Михаила Ивановича, они быстро уставали и сразу же переходили в исходное положение. Исходным положением валовских черт лица были сурово насупившиеся брови, презрительно поджатые губы и холодный пронизывающий взгляд. Тем временем праздничное застолье вплотную подошло к той тонкой грани, после которой милые беседы о погоде переходят в разнузданную гульбу с битьём посуды и морд.

Слово взял Михаил Валов:

– Я хочу выпить за молодых, – раздался густой бас, и все, уважительно притихнув, повернулись к генерал-лейте-

нанту. – Эдика я знаю с малых лет. Он вырос на моих глазах. Жаль, его отец, Володя, не дожил до этого счастливого момента. Он был настоящим товарищем, с которым мы прошли огонь и воду.

Валов сделал скорбную паузу.

– Эдуард, поднимаю этот бокал за твоё счастье, – продолжил он, – и в знак уважения и на правах друга семьи дарю невесте вот эту милую безделицу.

С этими словами Валов протянул Лилии золотой кулон с изумрудом.

– Горько! – гаркнул генерал и залпом выпил рюмку.

– Горько, горько! – заорали за ним захмелевшие гости.

Поцелуй молодых на счёте «двенадцать» прервал один из гостей, который, не жалея хрустальной посуды Любови Александровны, стал безжалостно стучать вилкой по бокалу.

– Товарищи, я хочу сделать заявление, – заплетающимся языком произнёс гость, – прошу минуточку внимания. Дело в том, что мы с Катенькой решили пожениться, и я сделал ей предложение.

Он повернулся к белокурой девице, сидящей рядом с ним. Та, жеманно улыбнувшись, бросила мимолётный, преисполненный чувства собственного превосходства взгляд на незамужних подруг.

– Свадьба назначена на тридцатое декабря этого года, – продолжил гость. – И я хочу пригласить всех присутствующих на наше торжество. Отдельно приглашаю Эдуарда с его

молодой женой за то, что не забыли и про нас.

– Спасибо, Николай, обязательно придём, – поблагодарил Эдуард.

– А теперь цыганочку! – крикнул кто-то из-за стола, и маленький оркестр заиграл «Мою цыганочку» Высоцкого.

Лилия выбежала в центр и, размахивая фатой, начала танцевать. За ней из-за столов пошатываясь встали пьяные мужчины и, окружив её, стали хлопать.

– Эй, цыганка, погадай мне! – кричал кто-то из гостей.

– Сперва позолоти ей руку, – смеясь отвечал другой.

Когда же оркестр заиграл «Очи чёрные» и один из пьяных гостей на словах «поцелуй меня, не отравишься» полез с поцелуями к невесте, Эдуард не выдержал и налил себе водки.

Любовь Александровна, которая в этот день принципиально не выходила из своей комнаты, начала собирать чемодан...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.